

18+

ОШИБАЯСЬ,
МЫ ПРИОБРЕТАЕМ ОПЫТ.
ДОРОГО, КОНЕЧНО,
НО ЗАТО В СОБСТВЕННОСТЬ
И С ПРАВОМ
НАСЛЕДОВАНИЯ.

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН
ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ
МОСКВА

Ринат Рифович Валиуллин

Девушка по имени Москва

Серия «Антология любви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28990410

Девушка по имени Москва: [роман] / Ринат Валиуллин: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-100021-9

Аннотация

Драма в трех измерениях, которая мечется в треугольнике Москва—Питер—Нью-Йорк, где Москва – прекрасная женщина, которая никогда ничего не просила, но всегда ждала. Ждала перемен и готова была меняться сама. Однако страх того, что завтра может быть хуже, чем сейчас, сковал не только общество, не только его чувства, не только их развитие, но само ощущение жизни.

Перед нами – пространственная картина двух полушарий Земли с высоты полета человеческих чувств, где разум подразумевает два, знание – подсознание, зрение – подозрение, опыт – подопытных, чувство – предчувствие, необходимость – то, что не обойти. А вера, надежда и любовь – агенты, вживленные в подкорку, внимательно следящие за земной суетой.

Небесная канцелярия, чьей задачей является наведение мостов между полушариями, получает бездонный ящик

анонимных посланий с борта Земля. Пытаясь соединить два лагеря одного корабля, небожители приходят к выводу, что для успеха операции необходимо провести опыт. Она живет в Москве, он в Нью-Йорке. На какие крайности готова пойти пара ради перемен?

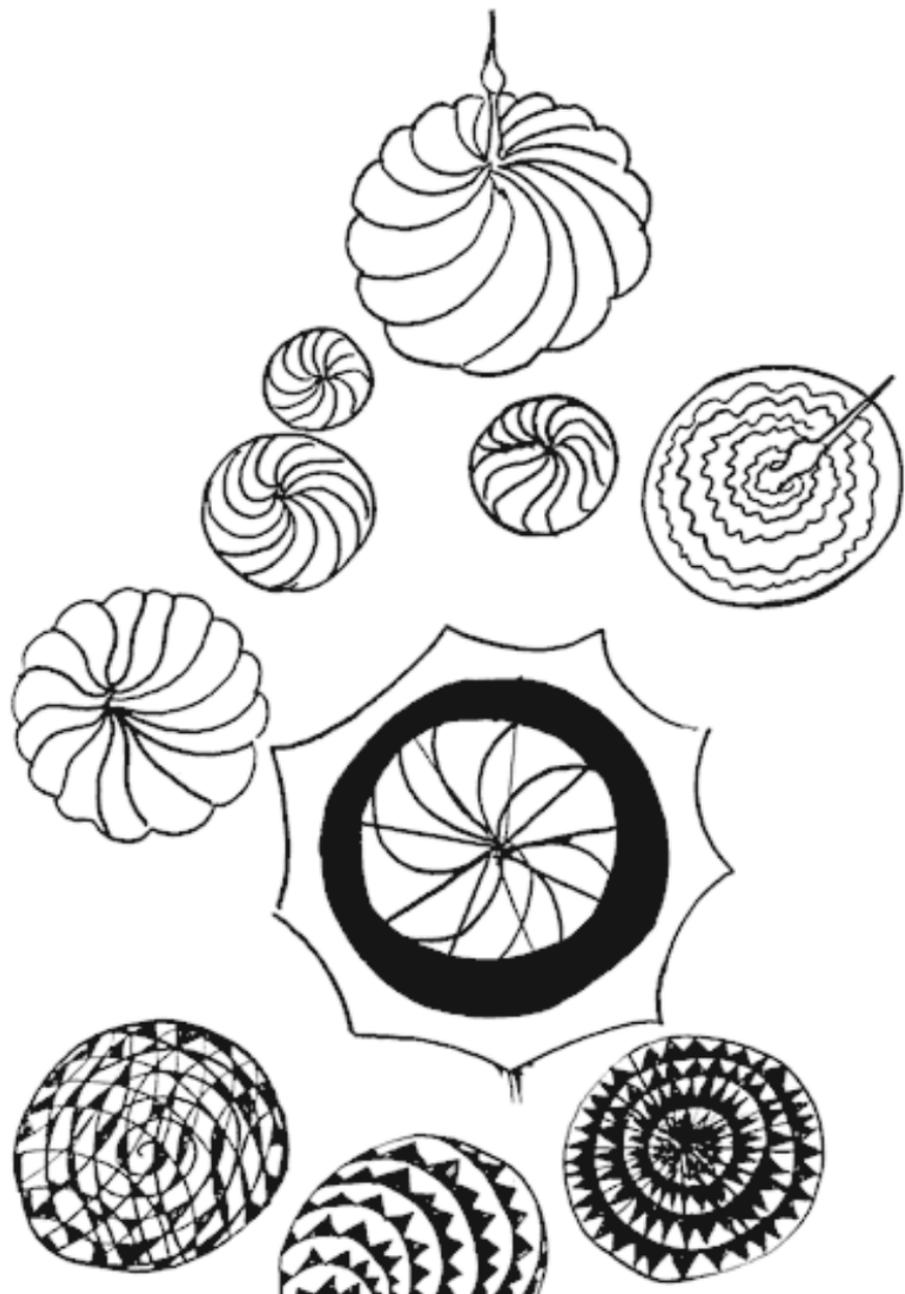
Содержание

Часть I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Ринат Валиуллин

Девушка по имени Москва

*Весь смысл жизни в радости. Важно, чтобы
твоего детского смеха хватило и на взрослую
жизнь.*

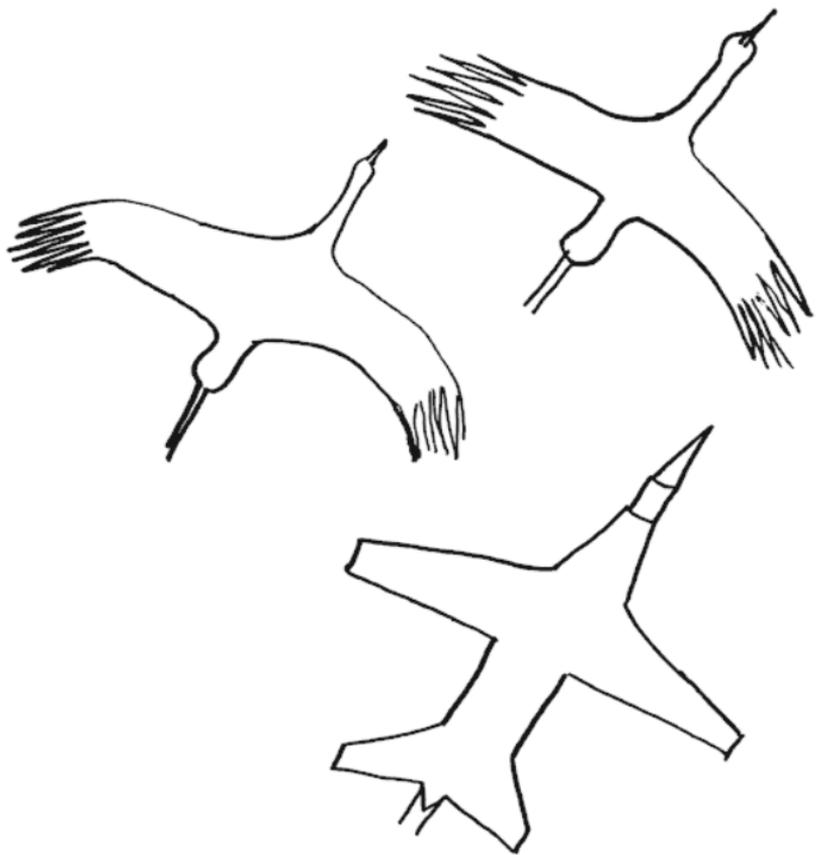

Москва – прекрасная одинокая женщина, которой все приходится делать самой. Работа эта отнимает много сил. С каждым мгновением Москва все отчетливей понимает, что одной ей не справиться, так как поддерживать красоту, недвижимость и независимость все сложнее и дороже – надо искать мужика. Не то чтобы она слишком требовательна, но он должен понимать, что женщина – это не прогулка по городу, это вояж в неизвестную страну, где придется учить иностранный язык, если хочет общаться долго и непринужденно. Женихов у нее достаточно, один другого краше, каждый со своими достоинствами. В то время, как Москве хотелось бабочек, приходилось иметь дело с чужими тараканами: Рим – безбашен, Париж – напротив, срысывает башни другим, Лондон – вечно в тумане, Берлин уже взят, Мадрид никак не может порвать с Барселоной, Амстердам – лигалайз, Мельбурн – ни рыба ни мясо, Мехико – душиноват, Осло – пресноват, Вашингтон – шалун, Дели – веган, Минск – усат, Цюрих – сыр, Стокгольм – холодноват, Милан – пармезан, Брюссель – капуста, сколько бы ни варил шоколад, Пекин – стена, Будапешт двояк, Каир – так себе, Стамбул себе на уме, Киев слишком добр, Франкфурт на Майне, Рим хорош, вот только стар, из молодых – красавчик Нью-Йорк – щеголь, денди, фронт, слишком молод и слишком богат, так много прекрасных пейзажей и изысканных слов, но дойдут ли они до тела и что скажет Питер –

ее интеллигентный изысканный сын, в меру ревнивый, если не брать в расчет декабристов и попытку самоубийства из «Авроры», художник, поэт, гранит, женат на бурной Неве, живет отдельно давно, своей жизнью. Благословит или закатит еще одну революцию?

Часть I

Он вышел на балкон и окунулся в атмосферу солнечного дня. Солнце светило. «Солнце – светило, Луна – темнило». Глубоко вздохнул. Кислород, словно шампанское, вскружил на мгновение голову, которая стала искать точку опоры в небе. Вот он, Миг счастья. Он резко взмыл высоко в небо, сделал мертвую петлю, «счастье закидывает нам ее на шею и затягивает всю оставшуюся жизнь», потом коршуном бросился вниз. Мощная стальная птица на лету схватила брошенный хлеб. Еще один Миг, а вот и еще. Скоро уже целая стая красиво нарезала воздух под балконом. Миги слетелись на хлеб. А Кирилл все бросал и бросал хлеб.

– Ты на кого батон крошишь? – появился на балконе Мефодий.

– На будущее.

– Чем оно тебе не угодило?

– Ничего не меняется. Народ так же требует хлеба и зрелищ. Все так же для счастья много не надо.

– Вот и я говорю, хорош крошить.

– Я еще не закончил мысль. Главный парадокс человечества: для счастья много не надо, а мало не хватает.

– Это ты к чему?

– В одном таком Миге счастья тысячи несбывшихся мигов счастья простых смертных.

– А мы к сложным относимся?

– К бессмертным. Вот смотри, сейчас батон кончится и Миги разлетятся. «Есть только Миг между прошлым и будущим», – сорвались с губ Кирилла знакомые слова песни.

– Именно он называется жизнь, – добавил Мефодий.

– Мне больше нравится – «за него и держись».

– Держимся пока.

Так и случилось: едва последняя крошка слетела с ладони Кирилла, как стая разлетелась, словно пилотажная группа на салоне «Ля Бурже».

– Куда они?

– Как и все, в теплые страны.

– Не все. Смотри, чайка, – показал рукой Мефодий на белый треугольник в воздухе.

– Чехова?

– Не, Баха.

– Как ты это определил? Потому что опоздала?

– Потому что не голодная, – улыбнулся Мефодий.

– Думаешь? Есть только миг между хлебом и зрелищем, – повторил на свой лад знакомую строчку Кирилл и похлопал по плечу друга.

Голодная чайка покрутила своей любопытной головой и, сделав несколько пируэтов, поняла, что опоздала, что хлеба больше не будет и надо лететь ловить рыбу.

В заботах незаметно пролетел понедельник, пришлось отложить начало новой жизни еще на неделю.

Кирилл закрыл папку, успев прочесть на ее обложке «Эсперанца». «Надежды тоже стареют. Даже надежды стареют», – подытожил он. Представил старую надежду, у которой начертательная геометрия налицо, штукатурка местами отвалилась и из-за слоя времени проглядывал опыт прошлых веков, пусть средних, но своих. Обычно они ему нравились, но сегодня захотелось бежать от Средних веков, только куда от него сбежишь, кругом он – Times New Roman. Стоял, сидел, снова стоял, как гладиатор на арене Колизея, только стены вокруг и гул трибун. На трибунах крики, вздохи, руки, зубы и рты, из которых доносился текст.

Сегодня он ненавидел кухню, в смысле – эту комнату своей работы, этот кабинет, этот цех, маслобойню, где приходилось потрошить чужие души. Вся эта бумажная возня с фактами с самого утра сначала вызывала тошноту, потом изжогу, наконец, мигрень. И надо же, все приехали, будто вызов был срочный. Капельница: чай, кофе, вода, снова чай. Возможно, требовалось нечто более крепкое, но когда-то он бросил пить, а теперь уже забыл где, чтобы отыскать эту привычку и пропустить бокальчик-другой. Манипуляции со страницами, исписанными бессердечным шрифтом, занимали его

время, словно он разменял свое на Times New Roman. Новым Римом здесь и не пахло. Времена другие – пахло только тоской, одиночеством, космосом, вакуумом. Ладно дали имена буквам, но кто догадался дать ФИО шрифтам?! У каждого из них теперь свой характер, свое поле деятельности, свой почерк, свой текст и, что самое скверное, – свой подтекст. Из текста слов не выкинешь, а из подтекста даже непонятно, что выкидывать и куда. Где та мусорка, куда можно выбросить подсознательное. Подтекст – это доклад подсознания, его сложносочиненное изложение, это его литература, это его инструкция. Что он туда принесет, какую заразу? Кто-то набирает полную ахинею красивым шрифтом, тем самым придавая мыслям своим красивую форму, а что в этой форме, какое содержание? Ничего. Пустота – пустота? Все тот же аромат нереального одиночества. Или пустота – космос? Открытый для избранных. В этом необходимо было разобраться. Перебирая чьи-то виртуальные записи, хотелось закусить куском реальности, хотя бы небольшим, чтобы ощутить чужое, наболевшее, на контрасте почувствовать его запах и вкус. Заесть. Запить. Но это ведь на несколько дней? Запить не получалось. Хоть в прямом смысле, хоть в прекрасном. Ни кофе, ни чай, ни тем более вода, так как воды хватало и без того, не утоляли возникающей жажды. Это была не та жажда, что повозникает, повозникает и отстанет. Это была жажда вопиющего в пустыне. Реальность, как ни крути, – это лучшее доказательство, что мир суще-

ствуует сам по себе, а ты сам по себе и вещи сами по себе. И каждое мгновение расставляет их по своим местам. А люди взялись расставлять их сами: буквы, вещи и себе подобных. Даже мысли. Смешные. И люди смешные, и мысли. Они смеются друг над другом, в то время как хорошо смеется тот, кто умеет смеяться над собой.

«Хоть бы Мефодий зашел, что ли. Вечно заходит не вовремя, никакого чувства такта. Недостаток музыкальной школы налицо. Вот что значит, родители вовремя не отдали в музыкалку».

Он взглянул в небо. Небо было высокое как никогда. Завис на мгновение, но чувство высокого долга заставило его снова вернуться к тексту:

Задача людей – подключиться к всемирному разуму. Там розетка. Каждый солнце, если ее найдет. Важно включить это самое солнце и раздавать тепло страждущим. Любви и тепла – вот чего не хватает миру, вот отчего война. Ум и государство держат всех в страхе, он самый надежный из инструментов. Страх – это тиски, можешь сдавить материал, можешь отпустить, но дефекты останутся и чувство страха никуда не денется, просто затмит все другие чувства. Легко, непринужденно, и чувство гордости перейдет в гордыню, потом в чувство зависти, и наконец – страх. Ты чувствуешь, как иногда сдавливают голову тиски, ты принимаешь на грудь, штангу весом в тонну проблем подхватывает инструктор. Главное не принять лишнего. Мо-

жет пострадать тело.

Тело – передатчик, душа – она не в голове, она в космосе, она над телом, она над миром.

Отбрось обязанности, административное здание закрой, перестань соревноваться, соревнование – та же зависть, только натренированная. Ты солнце, тебе некому завидовать. Ты сам себе звезда.

– Они все хотят быть звездами, в этом их проблема, – как всегда сзади подкрался Мефодий.

– Если бы только звездами. Млечный Путь – вот что им мерещится постоянно.

– Видимо кормили искусственным молоком.

– Судя по письмам, кормят до сих пор.

– Читаешь как бестселлер, – улыбнулся Мефодий.

– Ага, запоем. Запой так и напрашивается. А я как раз искал нужное слово, для определения. Точно, бестселлер. Люди считают себя лучшими, они хотят продаваться как можно лучше, как можно дольше. Не книги – теперь люди бестселлеры. Важно дороже себя продать, не важно как, голыми или смешными, не важно, под каким соусом. Хорошо, если соус будет фигурой медийной.

– Все заняты делом, в то время как рынок перенасыщен подделками.

– Всем нужны оригиналы. Оригиналы всегда в цене, а в некоторых случаях даже бесценны.

– Что-нибудь проясняется? – взял кипу бумаги со стола

Мефодий.

– По сути – да, по делу – нет. Медленно. Будто стою на переезде, жду, пока проедет товарняк.

– Прямо услышал стук колес. Романтично.

– Ты в армии служил, романтик? – посмотрел строго на Мефодия Кирилл. На его переносице образовался Кавказский перевал. Будто сам он проходил службу именно там.

– Нет.

– Жаль, тебе не помешало бы. А про дембель слышал? – Складка над носом исчезла.

– Кое-что в прошлой жизни, – улыбнулся Мефодий.

– Знаешь, что такое дембельский поезд? Не знаешь, – махнул рукой Кирилл, и перевал на его переносице исчез. – Я тебе расскажу. Представь. Ночь. Казарма

– Дембель, дембель, – раскачивают хором духи койку, на которой лежит дембель.

– Чаю, – просит он.

Один из духов убегает за чаем.

– Жарко, включите кондиционер.

Духи начинают усиленно махать вафельными полотенцами.

– Радио.

Один из духов начинает петь под гитару.

– Что за старье? Поставьте другую песню. Для души.

Духи начинают петь хором на английском «In the army now» Status Quo.

– Чай остыл. Что за херня, – вздохнул дембель, сделав глоток.

Дух убегает кипятить чай снова.

– Бабу хочу, так, для компании, чтобы ехала в моем купе, на соседнем месте... Ну и все в таком духе.

– И к чему ты тянешь этот состав?

– Поезд – это метафора. Видимость движения вперед. На самом деле поезд стоит на месте, его просто раскачивают, чтобы пассажиры верили, что они на пути к мечте.

– На Млечном Пути? Судя по твоей логике. А что за поезд?

– Не знаю. У тебя хотел спросить. Хотел узнать твои впечатления, выводы. Ты же все это читал. – Аккуратно сложенные папки с документацией.

– Само собой. Что-то мне попадалось про поезд, – начал рыться в листочках Мефодий. – Вот, нашел: – *«Сапсан» – это дефис между Питером и Москвой.*

– Хорошее название для дефиса.

– Это поезд так называется.

– Да понял я, понял. Ну вот и представь себе «Сапсан», стоящий на станции, который с серьезным видом с девяти до семнадцати раскачивают люди в пиджаках и в галстуках. И так каждый день. И те и другие заняты делом. Делом, понимаешь?

Мефодий кивнул и посмотрел на проекцию женщины, что крутилась по часовой, и попытался ее остановить, чтобы

крутануть в другую сторону. Для этого он даже закрыл глаза. И как будто что-то начало получаться: он увидел птицу, которая, сложив крылья, раскачивалась на ветке, вместо того чтобы летать. Открыл. Женщина неумолимо продолжала свое фуэте по часовой стрелке.

* * *

Одетый в мрамор, обутый в гранит, накинув на шею Неву, он вышел на улицу, поднял Казанского воротник, прикурил от «Авроры» и выдохнул: я больше, я больше так не хочу.

– Это откуда? – спросил Кирилл

– Из Питера. Правое полушарие.

– Ясно.

– Ты же вроде сам оттуда?

– Я? Может быть, но не уверен. А что значит «я больше»?

– Проверяешь?

– Просто спросил, – улыбнулся по-доброму Кирилл.

– Ты? Просто? – недоверчиво сверкнул глазами Мефодий. – Скорее всего то, что он выше всего, что здесь творится, и не согласен с тем, что творят.

– Ох уж этот правополушарный романтизм, – вздохнул Кирилл. – Все революции оттуда.

– Красивых всегда привлекали революции.

– Красивый, говоришь. Надо будет глянуть.

– Чудный город. Очень хочу еще раз по рекам и каналам.

– Сначала по крышам и чердакам, – кивнул на тележку с макулатурой Кирилл.

– Там красиво.

– Настолько, что можно два раза?

– Каждый раз как в первый, – обреченно улыбнулся шутке шефа Мефодий.

– На что похоже?

– Похоже на то, что передала Фэ:

Житель Петербурга так же холоден, как и город, но у него всегда есть в запасе залп «Авроры».

– Ну а своими словами? Правым, правым. Развивай правое. Скоро только образное мышление поможет отличить роботов от людей.

Мефодий задумался и выдал:

– *Питер словно корабль, то романтичный, как парусник, то мрачный, как ледокол.* – Затем посмотрел горделиво на Кирилла.

– Сам придумал?

– Как тебе такое?

– Вкусно. По-флотски. Блюдо такое, ты в армии не был, тебе не понять.

– Вот еще: *«Когда мне было одиноко, я ехала в Питер, не знаю почему. Наверное, он был лучшим моим любовником. Внимательным, вдумчивым, холодным, ранимым, абсолютно безразличным к деньгам. Даже поесть здесь можно было*

за копейки и втридорога, но одинаково вкусно или безвкусно. Все зависело от его настроения, но даже не имея никакого настроения, а только дождь, к одиноким он был благосклонен и принимал их на раз. Климат – это не погода, это – люди».

– Ладно, уговорил. Слетаю на досуге.

* * *

Город вздрогнул. Полдень. Выстрел пушки заставил вспорхнуть со шпиля Петропавловки ангела, тот облетел крепость, снова прижался к шпилю к золотому пилону и, заправски провернув пару кругов, вспомнив об обязанностях, замер, уставившись на город. Краем глаза он видел, как в окне второго этажа филфака медленно подходила к концу вторая пара. Преподаватель, посмотрев на часы, словно не доверяя пушке, из которой каждый день город пытался покончить с собой, тем самым пытался стряхнуть романтический налет с обитателей Северной столицы.

Пытаться для любого представляло из себя пытку. Все знали, что пушка заряжена холостым, и никто не верил в серьезность намерений. С одной стороны, все это было похоже на фарс, чтобы пощекотать нервы «Авроре», с другой – кончились снаряды. Они экономили, не более одного в день. Часы ударили в ухо 12 раз, и это был нокдаун.

В этот раз выстрел достиг цели. Попали пальцем в небо,

задели тучку. Питер зарыдал. Восстановленная путем круговорота воды в природе тучка обрушилась сверху ливнем, со всей своей страстью, будто решила напоить его любой ценой. Будто у того была жажда. Питер и жажда – две вещи несоместные. словно кто-то подкармливал здесь облака, они налетали, забивали небо до состояния полной облачности.

Студенты заерзали на местах и начали потихоньку собирать в сумки свой скромный эпистолярный жанр. В кармане у Мефодия завибрировал телефон. Звонил Кирилл. Преподаватель взял трубку.

– Выгляни в окно.

Мефодий нехотя подошел к стеклу.

– Видишь меня?

– Нет.

– Я тебе машу. С Петропавловки.

– Понял, «ну привет тебе, привет», – ответил ему классиком Мефодий. – «Пусть струится над твоей избушкой...»

– Слышь, хорош в меня из лиры палить. Я же по делу. Скоро у мира д.р. Пойдешь?

– Да, только подарка нет.

– У меня тоже нет, не знаю, что в таком возрасте дарят миру. У него же все есть. Может, войну?

– Было уже. Скучно.

– Значит, как всегда – «Бери настроение, не ошибешься».

Ладно, что-нибудь придумаем.

– Как тебе город?

– Несравненно. Питер – город-романтик!

– Я бы сказала не романтик, а роман на всю жизнь. Некоторые жить не могут без этого города.

– Ты серьезно? Что... переезжают и умирают?

– Нет, не умирают, конечно, но и не живут уже.

– Жизнь для людей всегда делится на тех, кто может без них и без кого не могут они.

– Вот, кстати, в подтверждение темы, – перезагрузил горло Мефодий, чтобы прочесть вслух:

– Ты не сможешь без меня.

– Я смогу и без тебя, и без того парня.

– Какого еще парня?

– Которым ты был когда-то.

– Это про НЬЮ-ЙОРК?

– Это диалог Москвы и НЬЮ-ЙОРКА. Вечный спор женщины и мужчины. Когда он уже поймет, что с женщиной спорить не стоит, себе дороже. Чем дальше, тем дороже. Копи деньги, потом спорь сколько душе угодно.

– Москва – это Восточное полушарие? – уточнил Кирилл.

– Да. Москва – это дорого.

– А что же она такая продажная?

– Она так развлекается. Вот послушай. О Москве:

– Она безумна. Как ты с ней живешь?

– Она сексуальна. На каждого ее таракана приходится по стае бабочек.

– Постепенно я начинаю понимать, из-за чего у людей весь сыр-бор. Кто-то кому-то не дал, – улыбнулся Кирилл. Эта его улыбка, когда скулы поднимались вверх вслед за настроением, означала, что он шутит.

– Не говоря уже о более тяжелых формах: кто-то кого-то не взял, – добавил со знанием дела Мефодий.

– Люди никак не поймут, что секс, что оргазм – это стечение обстоятельств.

А возникающие сложности – это и есть жизнь. Это и есть любовь. Они же бегут, едва те появятся на горизонте. Хочется крикнуть им: «Подождите!» Сейчас начнется самое интересное.

* * *

12.00

Слышно было издалека, что Москва гуляла, крутилась подшофе, распустив свой сарафан – тот отлично сочетался с синим кокошником вечернего неба. Улицы и переулки, словно змеи в период спаривания, скручивались в клубок площадей. Они занимались любовью, выбрасывая в воздух горящие вздохи салютов и фейерверков. Москва гуляла, она жаждала развлечений. Люди заполнили улицы, слов-

но кровь сосуды: туда – веселые артерии, домой – уставшие вены. Сверху ангелу было все равно, веселятся они или бастуют. Но сегодня, судя по фейерверкам, они веселились. Петропаша не любил праздники, вообще не любил скопление людей, от толпы всегда несло какой-то опасностью. Держался их стороной. Ненароком могли принять за ворону. С высоты небосвода столица казалась не такой большой, сегодня Петропаша бродил по нему задумчиво, будто по комнате, остаться или выйти в люди. Гулять не хотелось. Тем более не хотелось увидеть красивую женщину после праздника, когда сарафан Москвы помнется, кокошник съедет, волосы спутаются, речь станет вульгарнее, тело податливым, мысли нетрезвые. Ангел решил не мешать людям отдыхать, дать волю празднику, сделал круг почета над Садовым и по традиции заскочил в «Детский мир», он любил этот магазин игрушечного мира и настоящего детского счастья, в праздники не мог отказать себе в удовольствии искупаться в нем. Как обычно, сначала он медленно бродил по лестницам, обходя каждый этаж, и только после пятого вопроса «Из какого вы мультика?» забирался на самый верх, выходил на смотровую площадку. Окинув взором Садовое кольцо, вскакивал на ограждения и, предварительно помахав оторопевшим охранникам, бросался с террасы вниз. Толпа, ахнув, долго искала в темноте тело, крылья подхватывали его и несли обратно в Питер, в свой окрест. Рядом с крестом ангелу всегда было спокойно.

Мужчина для женщины – это страховка от несчастных случаев. Чтобы чувствовать себя защищенной, ей необходимо каско, в крайнем случае – ОСАГО.

– Или вот еще, – зачитал Кирилл:

Секс – это сильно, я испытывала.

– Планета испытателей. Секс – это опасно, – усмехнулся Мефодий.

– Незастрахованный секс – это опасно, – поправил Кирилл.

– Вообще секс. Причем для обоих.

– С чего ты взял?

– Так у планет, не занимавшихся в течение жизни сексом, к возрасту никаких изменений на клеточном уровне, свидетельствующих о начале старения, не обнаружилось. В то время как у сексуально активных наблюдался рост концентрации свободных радикалов и, соответственно, повышение уровня окислительного стресса и ускорение процессов старения. Затраты энергии приводят к раннему старению и сокращению жизни планет.

– Это без любви вредно, я бы даже сказал – незачем. Тебе пока не понять, но можно пробовать, – засмеялся Кирилл.

– Я бы поспорил, – задумчиво протянул Мефодий.

– Особенно вредно спорить на ночь глядя.

– Почему? – очнулся неожиданно Мефодий.

– Можно споткнуться, – вновь рассмеялся Кирилл.

– Ну да.

– В общем, не оставляйте девушку в ночи одну, ей перед сном не так удобно раздеваться, как перед мужчиной.

– Шеф, давай без личного.

– Ну у нее и характер!

– Это не характер, это стратегия.

«Ее сложный характер компенсировался легкой рукой», – прочел про себя Мефодий на одном из листочков и представил свою Матильду, которая сидела за столом со стопкой книг, снятых с полки. Скоро им это надоело, и книги заняли свой плацкарт.

Кирилл не слушал, он красноречиво продолжал:

– Любимая женщина не может надоесть, она может достать... потом положить обратно, и так до бесконечности. Бесконечность – единица измерения любви.

– В книжке прочел? Литература, выращенная на ГМО? – Мефодий подошел к окну, погладил стоящий на подоконнике кактус и неожиданно рассмеялся. Так громко, что у кактуса вздрогнули колючки и он весь вжался в себя, словно ёж, почуявший хищника. Даже красный цветок, что вот-вот должен был раскрыться, ушел в себя. Теперь от него осталась только красная кнопка.

– Держи себя в руках.

– Извини, вспомнил одну шутку: «У тебя есть марака-

сы?» – «Только в голове».

– А при чем здесь маракасы?

– Не знаю, надо было чем-то занять руки.

– Я же говорю, держи себя в руках. Не хочешь сидеть сложа руки – займи их делом. И хватит гладить мой кактус.

– Извини, – настаивал на своем Мефодий.

– А за что извиняться? – поддался на уловку Кирилл.

– За то, что эта шутка мне показалась смешнее.

– Это тебе смешнее, а вот мне, глядя на это, – сделал театральный жест в сторону макулатуры Кирилл, – совсем не смешно. Женщина – это не шутка. С ней нельзя шутить о серьезных вещах.

– Они до вещей сами не свои.

– Потому что настроение нестабильное, а напряжение постоянное. Это одна из загадок психофизики: нестабильное настроение при постоянном напряжении. Вот и приходится чем-то выравнивать – где шоколад, где тряпки, где безделушки, но лучше всего, конечно, путешествия.

– *От рутины жизни ей помогало только одно средство, она называла его принципом двери: дойти до ручки и выйти из себя,* – процитировал из рабочего материала Мефодий.

– Соображаешь. Это экономвариант. Вышел из себя и путешествуй. Но поголовное большинство женщин идут по прямой: нет настроения? Купи.

– Хороший девиз, – устроил имитацию аплодисментов Мефодий.

– Надо заметить, что работает безотказно, – снова начал рыться в бумагах Кирилл.

– Что потерял?

– Письма с любовного фронта, – улыбнулся Кирилл. – Как я понял, по спросу человечество разделилось на две части: одним не хватает материального, другим – духовного. С материей им вроде бы все понятно, с духом сложнее. Тот живет в человеке, как джинн в сосуде, который надо просто открыть. Обычно начинают искать того, кто сможет открыть, это называется искать вторую половинку. Сложно найти, присобачить к себе, чтобы открывал утром, выпускал джинна и закрывал вечером. Кому это надо? Любовь – работа по душе, но без выходов. А слово какое мягкое для этого подобрали. Любовь... А, вот, послушай, – наконец-то нашел то, что искал, Кирилл. – *И целого мира мало, каждый ищет свою половинку.* Ты только вдумайся, сколько мудрости заложено в этих словах.

– Боюсь... щас рванет, – рассмеялся Мефодий.

– Мира им мало, каждый ищет половину, – улыбнулся Кирилл. – Так что у тебя там на любовном фронте?

– Как всегда, ожесточенные бои и, как следствие, – потери, переживания, хандра.

– Переживания делают человека чище, это фильтр, через который проходит человеческая душа. Менять только надо чаще.

– Менять некогда. Слишком много лишней информации.

Пропаганды.

– Любовь – это тоже своего рода пропаганда, если женского – то красоты, если мужского – то состоятельности по содержанию той самой красоты.

– Пока не случатся дети. Вот послушай:

– *Зачем он тебе звонит? У тебя с ним что-нибудь есть?*

– *Да. Ребёнок.*

– Про детей здесь очень много, тема насущная. Брошенных детей полно.

– Ты про детские дома?

– Да. Но еще больше брошенных без любви, внутри семьи. Родителям некогда. Сунут под нос планшет – иди, воспитывайся.

Ноет он, ною я, дома прямо Ноев ковчег. Не могу. Долгожданный сынок постоянно выводит из себя. Я могу взять и трепануть его. Вот сегодня. Собирались на улицу. Он орет. Меня бесит. Наорала на него. Закрывает рот рукой. Он еще больше плакал. Потом так стыдно, что хочется отрезать себе руки. Ведь я очень его люблю. Дайте сил.

– У тебя силы еще остались? Дай, – посмотрел на Мефодия вопросительно.

– Да дал уже. Про детдома тоже не забыл. Некоторые письма прямо пронизаны собственной беспомощностью. Кто-то пропал, кто-то болеет, кем-то не перестают гордиться, на ком-то пытаются заработать.

– Ладно, возьми из общака, распредели, чтобы никто не

остался в обиде на жизнь. Да, люди странные существа, сначала заводят котят, потом котят избавиться.

– Хотят или котят?

– Не вижу разницы. Люди – коты и кошки.

– Ты прямо читаешь отчет Амор:

Мы лежим, у нас, беременных, на животе приборы, через них слышно, как бьется сердечко наших будущих детей, будто ведут разговор. Рядом в соседней палате – лежат ЭКО, напротив – после аборта. Кому что. Полное собрание сочинений в трех томах. Каждый со своей любовью, кто-то желает зачать, кто-то сохранить, кто-то избавиться.

– Умеешь ты слезу выжать, – смахнул невидимую Кирилл.

– Я старался оставить самое злободневное, – заметил Мефодий.

– Людям кажется, что злых дней куда больше, чем добрых.

– Может, тебе мультики поставить? – пошутил Мефодий. – Если не боишься подсесть на смешариков.

– Ему же, кроме телика, ничего не нужно. Он может днями и ночами это гов... смотреть. А мамаша нужна только для того, чтобы пожрать, – прочитал, смеясь, Мефодий.

– На самом деле грустно, – улыбнулся еще грустнее Кирилл. – А кто виноват, они же сами его посадили. Мультики – это удобно, ты включаешь их детям, чтобы заняться своими делами. Кругом говорят, насколько они полезные и развивающие, постепенно начинаешь в это верить, ты чувствуешь комфорт от такой веры, чем удобнее вера, тем она проч-

нее. А взрослым то же левое полушарие снимает свои яркие картинки. И сидят родимые на пикселях, как на игле.

– Ты сам попробуй с ребенком провести часа два или хотя бы час. Слабо? Только мультфильмы могут притормозить их неугомонное начало.

– Слабо, – согласился Кирилл. – Только в теории полезно почитать им сказки, а на деле – включаешь телевизор.

– Можно подумать, что ты сам мультики не любил.

– Любил, конечно, рисованные, кукольные – почему-то нет. Смотрел, когда уже совсем выбора не было. Из любимых «Приключения капитана Врунгеля».

– А не генерала? Или его разжаловали? – уточнил Мефодий.

– Не в этом суть, помнишь, как там древнюю статую, искусство в футляре для контрабаса вывозили. Сама идея – уже искусство.

– Видимо, после этого контрабанду в нашем языке окрестили «контрабасом».

– В нашем? Нет, это не наш метод. Сейчас совсем другие мультфильмы. И искусство тоже, – съехал с темы Кирилл.

– Дети другие, мультфильмы другие, а мы вечные, как в кино, – рассмеялся и посмотрел на Кирилла Мефодий. – Что я вижу?

– Что?

– Я вижу – ты против кино тоже?

– Нет, я за кино как за развлечение. Ударное слово «раз»,

раз-два, но не постоянно же. Нельзя прилипать к экрану. Я же вижу, – потряс он пачкой А4 в воздухе, – что для кого-то это ежедневные контактные линзы. Кино – это средство по уходу за скукой. Не более того.

– Соглашусь. А что скажешь про театр? Вот, здесь есть из детского спектакля сцена:

– *Медведь, а сходи-ка ты к пчелам, – говорит косолапому Лиса.*

– *Зачем?*

– *Как зачем? Ты же любишь мед.*

– *Я очень люблю мед.*

– *Ты должен прийти к пчелам и сказать: ну-ка быстро дайте мне меда.*

– *А если не дадут?*

– *Ты медведь или панда? Топни ногой, толстопятый: «Ну-ка быстро мне меда принесите!» Как миленькие отдадут.*

– Хорошо про панду, – хехекнул Кирилл. – Мишки совсем обурели.

– Я белых всегда больше любил.

– Почему белых?

– Они единственные из млекопитающих, которые людей не боятся.

– А ты боишься? – посмотрел испытующе Кирилл на Мефодия.

– Мне некогда, я работаю.

– Работаешь?

– Это не работа, по-твоему? Я же читаю.

– Работай, работай, не отвлекайся. Кстати. А что люди читают сейчас?

– В основном муру всякую.

– Какую муру?

– Либо детективы... – задумался Мефодий и снова начал гладить кактус.

– Людей всегда тянуло на преступления, – не дал ему договорить Кирилл. – Сначала их тянет, потом оно из них. На этом стоит литература, – очертил взглядом бумажную кучу Кирилл. – Достоевского читал? «Преступление и наказание»? Вижу, что не читал.

– Про преступление здесь что-то было: *потерпевшая Родина рассказала, как муж методично отрезал ей по пальцу, пока не отрезал обе руки.*

– Родина – это фамилия?

– Да какая разница. Была Родина – стала уродина. Вот где страшно, вот где Достоевский.

– Я почему-то вспомнил Венеру Милосскую, – беспокойно смотрел на кактус Кирилл. – Красивая Родина, но без рук. Поэтому все в итоге выходит через жопу.

– Сердца у тебя нету.

– Зато у меня есть голова. Наказали?

– Посадили.

– Посадишь такого, а что из него еще вырастет? Сорняк

есть сорняк, – продолжал гладить кактус Мефодий.

– Ты про книги начал, что-то мы отвлеклись. И оставь в покое цветок. Тебе что, гладить больше некого?

...Ну что еще читают? Либо фэнтези, либо романы, – продолжил Мефодий. – Некого. А тебе что, жалко?

– Загладишь – он цвести перестанет. Так какие романы?

– Разные. В основном все названия крутятся вокруг местоимений: от меня, мне тебя, если бы не я, до него, перед тобой, под тобой, я б тебя...

– Названия интригующие, – рассмеялся Кирилл.

– Да, прямо мурашки по коже. Может, лучше к детям вернемся?

– Валяй.

– *Дарите женщинам цветы, они подарят вам детей.*

– Наконец-то что-то позитивное. Да, надо дарить, чего бы это ни стоило. Цветы для женщины, как включатель – оп, зажглась, засветилась, затанцевала, – согласился Кирилл.

– *Но есть и другая сторона, надарили столько, что теперь воспитывать негде. Легче в университет поступить, чем в детсад. С самого рождения записались в очередь. 3 года прошло – хуй там. В прямом и переносном слове. Моему мужу пришлось соблазнить заведующую детсадом, чтобы устроить туда нашего сына.*

Кирилл развел руками.

– Дети рождаются, дети становятся, все остальное в любви перемельница, все остальное в семье – пересортица, – про-

мурлыкал он про себя стишок.

– Твое?

– Нет, так вспомнилось.

– *Дети – это опорные точки отношений, опорные сваи, некогда вколоченные в ночи, чтобы не расставаться как можно дольше.* – Грусть начала жевать голос Кирилла, видимо, вспомнил всех своих. Мефодий знал, что для шефа это тема больная, поэтому старался ее не развивать.

– Каждый великий роман заканчивается расставанием, – попытался подбодрить его Мефодий.

– А каждый посредственный – расстоянием, – «хе-хе» незаметно добавил про себя Кирилл, сбрасывая с мыслей тоску.

Мой дом сентябрь

я здесь живу

работаю и отдыхаю

по выходным

листву трясую

по будням мир словами сотрясаю

– Осень... в правом полушарии. Чувствуешь? – метнул пачку листьев вверх Кирилл.

– У них теперь долго там будет осень, а может быть, даже зима, – сделал вид, что совсем не удивился листопаду Мефодий. – «Нервы», – подумал он про себя и начал собирать с пола разбросанную бумагу.

– Ты про кризис? – подобрал листок, упавший к ногам, Кирилл. – Он у тебя в голове. Кризисы начинаются, когда человек перестает удивляться.

– Да. Зачем было так сильно пальму трясти? Кокосиков захотелось?

– Так это же левое трясло. Причем наняли обезьянок.

– Ну да, трясли левые, а упало на тех, что в правом. Теперь они пожидают плоды.

– Ошибки надо уметь признавать, даже если это было признание в любви.

– Ты про Москву с Нью-Йорком?

– Нет, про твой интерес к моему кактусу, – улыбнулся Кирилл.

– Чтоб его! – укололся и отдернул руку от колючки Мефодий.

Кирилл от души засмеялся:

– Настоящая любовь никогда не заканчивается, тем более дружбой. А они все еще пытаются дружить.

– Да уж, – наконец отошел от кактуса Мифа, рассматривая ужаленный палец.

– Знаешь, в чем проблема их отношений? Ему было не понять эту женщину по одной простой причине он с ней дружил.

– Думаешь, не любил?

– Думаешь, любит до сих пор?

– Да хрен его знает. Время покажет, – облизывал раненый

пальчик Мифа.

– Я же тебя предупреждал, что с этим цветком надо быть осторожнее. Не смотри, что он аленький. Нажмешь на эту кнопочку и разбудишь чудовище.

– Да, я помню, ты же мне его как-то оставил года на четыре. Привязался я, – улыбнулся мило Мефодий.

– Вижу, ты тоже огрызаться научился.

– Я мирный. Это он – кусаться. Да и ты с ним агрессивнее становишься.

– А что ты хотел, такое напряжение в мире. Сорвал цветок – и нет цивилизации. Технологии. Помнишь, как в их песне: «Нажми на кнопку – получишь результат».

– Не, я такое не понимаю.

– Апокалипсис – это и есть результат всякой цивилизации, – заключил Кира.

– Я про музыку, старье какое-то слушаешь.

Кирилл сделал вид, что не услышал.

– А вот это я совсем не понял:

– Мне надоело целыми днями смотреть на нажратого корейца, который бросался пустыми банками из-под пива в капитана корабля. Но банки не долетали даже до стюардесс.

– В данном случае кто-то очень хочет поиграть в войну. Но ракеты не долетают. Спекуляция чистой воды. Многие этим живут. Берут дешевку, делают тюнинг и продают втридорога.

– А вот это: *Напротив в купе сидела семья пшеков. Дедушка долго, кропотливо расставлял на столике фигурки оловянных солдатиков, а мальчик валил их одного за другим и весело смеялся.*

– Читал. Это история.

– Что за история? Дедушки и внука?

– Новейшая. Точнее сказать – эхо войны в новейшей истории. Поляки снесли памятники советским воинам, которые воевали вместе с их польскими дедами во Второй мировой.

– Зачем?

– Политика. Знаешь, что такое политика?

– Проверяешь? Политика – это идеологическая биржа, которая может влиять на курсы всех остальных валют.

– Зачет. А кто такие политики? Только своими словами.

– Политики – маклеры, рабы этой самой биржи. Продаются и покупаются.

– Пять, – поднял вверх свою пятерню Кирилл. – Вот и с историей то же самое. Все переписывают ее на свой лад. Раньше истории пересказывали, теперь переписывают. На чистовик, каллиграфическим почерком, без помарок. А чтобы ни у кого не оставалось сомнений в достоверности, талдычь об этом целыми днями, у кого больше громкоговорителей – тот и герой. А все из-за того, что одни не могут простить победы другим.

– Какие победы? – посмотрел заинтересованно Мефодий на шефа. Интерес его проявился настолько, что брови сло-

жили знак «виктория».

– Любые – военные, политические, экономические. Будь то война или открытие космоса.

– Думаешь, левое мстит правому за Сталинградскую битву и за Гагарина?

– Еще как. Царапины на Рейхстаге не дают покоя. Что говорить о победах стратегических, когда даже спортивные стоят комом в горле, – нашел рукой свой кадык Кирилл, показав тем самым, как знакомо ему это чувство.

– Ты о войне пробирок?

– Да, левое уже проверяет на допинг анализы Гагарина, Достоевского и Толстого.

– Последних-то за что?

– Якобы оставляют царапины на душе.

– А Pink Floyd, Doors, Armstrong, Monro разве не оставляют?

– У тех справки.

– Полагаю – исторические?

– О чем и речь. Очень трудно идти против истории. Вот некоторые и пытаются при помощи собственных историй получить контрольный пакет акций в истории мировой.

– Но левое есть левое, оно шагает шире, то и дело перешагивая правое. Ну речь здесь в основном идет о противостоянии Америки, России и Китая. Вся проблема России в том, что пока она занимается монополизацией внутри своего хозяйства, Америка – монополизировать весь мир. У Китая

проблем нет.

– Как нет?

– Так. Они их съели. Иначе чем бы они прокормили такую ораву?

– Повезло им, что не было демократии. По большому счету, демократы оказались фанерой, демо записали, и все. Дальше демо дело не пошло.

* * *

1 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Передаю Вам эстафетную палочку – Договор опубликовала

НЬЮ-ЙОРК: Палочку принял. Спасибо за палочку!

МОСКВА: Я б Вам лучше Шоколад Little Spot молочный с орехом, изюмом и ямайским ромом передала!!! его вместо молока за вредность надо выдавать!

А «палочку» жду обратно!

НЬЮ-ЙОРК: А я больше люблю Little Spot молочный с лесным орехом. Вот.

Ну а с палочкой давайте подождем. Мы же не можем пороть горячку. Надо тщательно всё рассмотреть, взвесить, осмыслить... Иначе старшие товарищи нас не поймут.

2 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Доброе утро, НЬЮ-ЙОРК!

1. Что может быть лучше с утра, чем чашечка ароматного, свежемолотого, свежезаваренного кофе с шоколадкой Little Spot, в Вашем случае пусть это будет Little Spot молочный с лесным орехом...

2. Но Вы обязательно, обязательно попробуйте Little Spot молочный с орехом, изюмом и ямайским ромом, у неё ТАКОЙ аромат! И лесной орех тоже присутствует, правда, есть ещё вариант – закусывать ямайский ром Little Spot молочным с лесным орехом.

3. Спасибо за оказанное доверие, в образце исправила свой косяк – при распечатывании в форме почему-то не отображался код.

НЬЮ-ЙОРК: 1–2. Так соблазнительно звучит... Побежал в магазин, за шоколадом. Умеете Вы, Москва, искушать.

3. Сегодня оплатим.

МОСКВА: 1–2. Если поиски не увенчаются успехом, берусь передать Вам её ценной бандеролью... а то как-то эгоистично с моей стороны получается, соблазнила, искусила и помахала ручкой.

3. Нам бы так.

НЬЮ-ЙОРК: Нет, Москва, я не могу принять столь щедрый подарок. Это ни в какие рамки не лезет! Очаровательная девушка дарит взрослому дяденьке такой роскошный подарок.

МОСКВА: Нью-Йорк!!! Ну не предложила же я Вам бутылку ямайского рома!!! И по стилю вашего общения не дам я Вам больше 40 лет.

Хотя Вы, как всегда, правы, данный поступок выходил бы за рамки стандартных сценариев: обычно взрослые и не очень взрослые дяденьки дарят разнообразные конфетно-букетные изделия таким очаровательным и привлекательным девушкам, как я.

А если посмотреть в другом ракурсе, мы с вами «коллеги по несчастью», и, как человек, работающий в сфере закупок, я делюсь с вами способами и средствами сохранения и поддержания на должном уровне стрессоустойчивости, здравого ума и трезвого рассудка.

Хотя опять же с нашими дядечками от 65 и более мне бы самой бутылку ямайского рома...

НЬЮ-ЙОРК: После Вашего письма чей-то вспомнилось из классики:

– А сколько вам лет, простите за нескромность?

– Почти. Тридцать восемь.

– Ого! Вы выглядите значительно моложе.

Ипполит Матвеевич почувствовал себя счастливым.

P. S. Пошел за ромом (ямайским).

МОСКВА: Удивлена, что вы так разбираетесь в русской классике. Благодарю Вас за 12 веселых стульев, я ОТ ДУШИ минут 5 смеялась, и как-то сразу полегчало!!!

НЬЮ-ЙОРК: Главное в понедельник – это чувство юмора, иначе он может лишить вас всех остальных.

МОСКВА: Хотела Вам парировать, но боюсь сползнуть, в силу своей молодости, эмоциональности и более низкого, чем у Вас, уровня интеллектуального развития. Да и работать пора.

НЬЮ-ЙОРК:

Хочешь быть счастливым – меняй чувство долга на чувство юмора.

Заинтриговали. А посему – парируйте, пошлите, в силу Вашей молодости, эмоциональности и высокого уровня интеллектуального развития.

МОСКВА: По праву того, что я женщина и не вхожу в число феминисток, более того, считаю, что именно такие качества, как слабость, эмоциональность, чувствительность, за-

гадочность, возможность «сдаться» (достойному противнику), – дарованы нам свыше, я промолчу... «про возраст».

P. S. Возможно, для смелости не хватает рома (ямайского).

НЬЮ-ЙОРК: Прекрасное эссе. А насчет удовольствий вспомнилась цитата из другого романа:

– Я не готова отдаваться без любви.

– А я бы с удовольствием кому-нибудь отдалась.

– С удовольствием – это другое дело.

P. S. Уже налито.

МОСКВА: Дело – это вы правильно заметили. (Все еще смеюсь над цитатой.) Сколько же их у вас было, романов? Боюсь предположить.

НЬЮ-ЙОРК: Если не умеете бояться – не бойтесь. Бояться тоже надо с удовольствием. И я, в свою очередь, с удовольствием предположу.

МОСКВА: – С удовольствием – это другое дело.

НЬЮ-ЙОРК: Ну так что, займемся делом, раз налито?

МОСКВА: Делами.

НЬЮ-ЙОРК: Зовите меня просто Йорик.

МОСКВА: Вот это деловой подход. Очень приятно, Мося.

НЬЮ-ЙОРК: Я еще ничего не сделал, а вам очень приятно. Что же будет дальше?

МОСКВА: Страшно представить.

НЬЮ-ЙОРК: Готов передать ром (ямайский), для смелости.

МОСКВА: Вы все купить пытаетесь, а женщину надо красть.

НЬЮ-ЙОРК: Хорошо налью и себе, для смелости.

3 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: It is hart to be a women
You mast think like a man,
Act like a lady,
Look like a young girl,
And work like a horse.

С Добрым утром, Йорик!

P. S. Не готова принять от Вас такой ценный подарок:

1. Не употребляю на работе. Я не настолько откровенна.
2. Не знаю, как и с чем употреблять сей напиток.

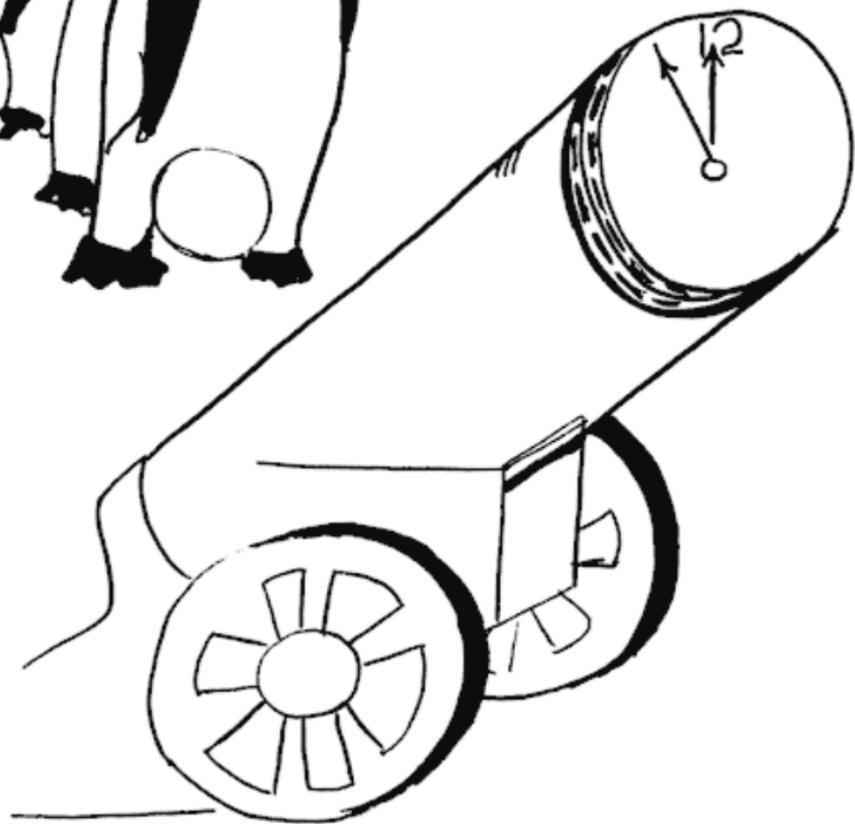
НЬЮ-ЙОРК: Доброе утро, Москва!

Согласен, тяжело быть женщиной. Мужчинам тоже нелегко. Сегодня пришло печальное известие: умер наш ГИП на 62-м году жизни.

P.S. А напрасно.

1. Для храбрости – можно и не на работе.

2. Осмелюсь процитировать Вас: «...Обязательно попробуйте Little Spot молочный с орехом, изюмом и ямайским ромом, у неё ТАКОЙ аромат и лесной орех тоже присутствует, правда, есть ещё вариант – закусывать ямайский ром Little Spot молочным с лесным орехом, так что с чем – вопрос решен.

МОСКВА: Соболезную.

Нелегко всем – и нашим, и вашим. Пейте не чокаясь.

Сейчас за чашечкой утреннего кофе, читая про Софью Васильевну Ковалевскую, наткнулась на очень занимательную и нужную для себя информацию:

«При такой большой занятости от полного изнеможения Ковалевскую спасала только физическая закалка – неизменные холодные обтирания, ванны, гимнастика и прогулки на свежем воздухе» – так что буду следовать примеру принцессы математики, дабы соответствовать веяниям современного мира.

P. S. Для мужчины это позволительно, а вот для женщины – нет, осмелюсь процитировать Вас: «...Излишне эмоциональные девушки совсем не комильфо» – а употребление алкогольных напитков неизменно приводит к излишнему проявлению сего качества.

1. К сожалению, после работы, некогда да и не с кем.
2. Да!!! Вчера я прям-таки фонтанировала креативными идеями.

НЬЮ-ЙОРК: Эх, мечты, мечты. Вот настанет понедельник – и начну новую жизнь – обливаться ХВ по утрам, зарядка, брошу все нехорошие излишества, все дурное, привычки

и т. д. Вот так и жизнь проходит – в мечтах о светлом. Я о себе, ест-но.

P. S. Согласен, на некоторых прелестниц горячительные напитки влияют далеко не лучшим образом. Хотя это и к мужскому полу относится тоже.

2. Жду новых фонтанов идей.

P.P.S.

И напоследок о работе. Посылаю Вам платежку на обеспечение договора. Шоб было.

МОСКВА: Вы и украинский знаете? Поражена. В силу своей молодости и решительности мечты стараюсь реализовывать не с понедельника, а с сегодня, чего и Вам советую, а любые излишества В МЕРУ, в нужном месте и в нужное время очень даже позволительны.

P. S. Поэтому-то распитие спиртных напитков производится только в ограниченном круге проверенных людей.

2. Как только будет возобновлена подача воды в фонтан – обязательно сфонтанирую.

P.P.S.

1. Спасибо за п.п.

2. После публикации Договора и п.п. на сайте ОАО пришлите мне, пожалуйста, скан данного Договора, подписанный и заверенный печатью с Вашей стороны.

- НЬЮ-ЙОРК: 1. Подписал договор. Посмотрите, пож-та, все ли нормально?
2. Завтра подпишу, а то сегодня ГД уже удрал.

* * *

12.00

Ночи стали холоднее. Голова лысела и мерзла. Руки от холодного железа – тоже. Возраст. Надо было что-то с этим делать. Петропаша решил слетать в Москву за теплыми впечатлениями.

Полдень выстрелил пушкой.

Уже из области стало видно, что настроения у Москвы не было, волосы сплелись, и она лениво расчесывала их, сбившиеся в кучу, улицы и проспекты. Рука двигалась с трудом, не расчесать – пробки. Скоро ей это надоело. И вот уже подперев голову руками, столица лениво смотрела в окно и пила кофе Москвы-реки. Ангел покружил над стоящим городом, потом сел в Измайлово.

Петропаше не особо нравились рынки, но Измайлово он любил. Чего там только не было, из какой только истории, из какой эпохи не стекались вещи на эту грандиозную барачную! Но самое главное – никто не удивлялся его виду, его крыльям. В Измайлово трудно было кого-то чем-то удивить. Ангел ходил по рядам, примерял всякие шапки, фуражки,

кепки, тубетейки, пилотки, шляпы, даже каску времен Второй мировой. Все эти головные уборы, стоило только надеть, так или иначе начинали переводить его сознание в другое измерение. Странно, но именно по шапке можно было сказать, что у человека в голове. Всякая форма тащила с собой содержание.

– Крылья почему продаете? – остановил его мысли чей-то голос. Мужик торговал каким-то антиквариатом в виде самоваров и серебряных ложечек.

– Не продаются.

– Жаль, я бы купил.

– Вам зачем?

– У меня жена очень хочет летать.

– А вы?

– Я нет. Раньше – может быть. Сейчас уже переболел. А может, просто высоты боюсь. Ну, так продадите?

– А сколько дадите?

– Ну, я вижу, они у вас не новые и вмятины есть. Сколько лет налету?

– Лет 300.

– Шутите?

– Нет.

– Больше сотни зеленых не дам.

– Не густо.

– Ну как хотите.

– Купите жене билет на самолет, в крайнем случае на

«Сапсан». Пусть летит.

- Вы думаете, я не покупал?
- Думаю, не покупали.
- Все равно не поможет.
- Может, просто не ваша женщина?
- Моя, как не моя.
- Так вы держите ее, вот она и не летает.
- Ну да, – ушел в себя продавец.
- Отпустите ее, она полетит.

Тут мужик отвлекся на самовар, стал натирать его фас, сделав вид, что не знаком со мной.

«Вот люди, общаться могут только до первой правды, потом все – как отрезало, если не враги, то уж не друзья однозначно».

* * *

– Самое ценное качество в мужчине, за которое цепляется женщина, – сексуальность, характер, решительность.

– Сколько букв?

– Девять.

– Заводи правое, Мефодий. Это легко.

Мефодий снова вспомнил Матильду, которая продолжала крутиться по часовой.

– Твердость.

– Хорошо, – посадил в клеточки твердость Мефодий.

– Хватит уже ерундой заниматься. Будешь разгадывать кроссворды в следующей жизни.

– В прошлой ты точно так же говорил.

– То есть ты его с собой оттуда прихватил? Тебе что, взять больше нечего было?

– Говорят же – с собой все равно ничего не заберешь. В итоге отправился налегке. А кроссворд в кармане пиджака потом обнаружил.

– Купился. Слушай их больше. Раз ты с собой ничего не взял, тогда у тебя тем более должен быть стимул работать, – рассмеялся Кирилл. – А что они тебе в пиджак ничего не положили? Ладно, я тебе захватил немного, – указал взглядом на портфель, который возник в руках девушки с проекции. Портфель, в отличие от девушки, был кожаный.

– Что там?

– Чего там только нет. Может, вина?

– Спасибо, я же не пью.

– Все так говорят, когда до дела доходит.

– Крапленый?

– Предрассудки.

– Насечки какие-то, – взял в руки оставленный девушкой портфель и стал внимательно рассматривать его.

– Ага, годовые. Самое сложное – найти виновного среди невиновных. Ну чего ты так загруился, бери портфель, шу-чу, там лимоны, тебе на чай, – лукаво улыбнулся Кирилл. – Вот послушай, думаю, это тебя утешит:

– Я ем цветную капусту, а на душе все равно черно-белое пусто.

– Это как понимать?

– Денег много, а счастья нет. Может, ты и правильно сделал, что ничего с собой не взял. Может, наконец станешь счастливым.

– Смеешься? Честно говоря, я не очень хорошо понимаю этих людей, точнее, вообще не понимаю. Земля – это же путешествие в один конец. И почему именно нам досталось ею заниматься? Это голубое корыто, ему скоро все равно на свалку, на разборку. Либо в корзину, в черную дыру, если правое и левое полушария не возьмутся за ум, а они никогда не возьмутся, потому что это никому не выгодно. Нет же, погибать, так с музыкой, захотелось им раскачать свой мир прежде, как тот паровоз. Сделать вид – Земля движется к новым цивилизациям, когда орбита по кругу. Они же знают об этом прекрасно. Или им кажется, что они так разгоняются?

– Давай без риторики, – призвал Кирилл к работе Мефодия. – Мы здесь для чего? Ситуация критическая. Наше дело наладить отношения на космическом корабле под названием Земля. Задача не из легких. Безусловно нам должны помочь дроны, которых ты отправил, не знаю, чем они там занимались, но собранная ими информация как-то неубедительна, а главное – неэффективна. Их же целых трое! Зачем так много?

– Специфика. Фэ работает днем, Эсперанца в ночную,

Амор по выходным. В этом есть определенная логика.

– Не вижу никакой логики.

– Ну как же. Днем мы верим, ночью надеемся, по выходным любим.

– Мне кажется, ты все усложняешь. Ты сможешь переслать мне полностью их отчет? Хочу посмотреть, изучить подробнее. В любом случае пусть продолжают работать, их наблюдения тоже пригодятся. Ну, а нам придется начинать с самого зачатия, с клеточного уровня. Опыт. Вот чего не хватает. Необходимо взять двух индивидуумов, – Кирилл сделал ударение в конце слова, – умов, ты понимаешь, одного из Западного полушария, другую из Восточного или наоборот. Формально не получается, нужен личностный подход. Есть кто на примете?

– Я уже дал задание нашей исследовательской группе. Жду результатов.

– Вера, Надежда, Любовь. У них функция ожидания бесконечна. Долго ждать. Ты же знаешь, как я не люблю ждать. – «Хе-хе» отозвалось внутри Кирилла.

Мефодию захотелось спросить, что же он любит, но не стал. Кирилл затянет о птицах, которых любил кормить, а это разговор на добрых полтора часа, а это целая пара.

– Ладно, – прослушал молчание Мефодия Кирилл. Ему, конечно, хотелось поговорить о птицах, но вопроса не последовало. – Пока продолжим с тем, что есть. Итак:

Были периоды в жизни, когда времени было через край и

оно тянулось так долго, как бы ты его ни подогревал.

– Как у Дали, – время стекало сыром. Гений. Как он мог предвидеть – утеkanie сыра?

– Если ты про санкции, то это же временно.

– Я бы сказал – бесконечно. Время истекло. Понимаешь?

– Филолог, – издевательски произнес Мефодий.

– Завидуешь? Надо было тебе тоже на филологический идти, давно бы Матильду на место поставил. Крутилась бы как шелковая куда надо.

«Мне не нужна шелковая, шелк слишком прохладный, лучше х\б, ближе к телу», – ощутил синтетическую ткань рубашки всей своей кожей Мефодий и вздрогнул.

– *Голодная женщина – это страшно, это оружие массового поражения. Будь она разумнее, могла бы использовать мой гормональный голод как источник нескончаемой энергии.* Мне кажется, здесь про тебя, – вернул его в работу Кирилл.

– А здесь про тебя: *Однажды я уже была замужем. И знаешь, что поняла? Женщине не нужен муж, женщине нужен мужчина.*

– Хм, – усмехнулся Кирилл. – Брак – что он делает с людьми.

– Зачем они вообще женятся?

– Все хотят получить благословение на небесах. Но как принять столько желающих пар? Поднебесная подсуеутилась, в результате там резкий подъем производства. Именно они

первые осознали, что брак – это производство, которое делает из людей детали, пусть даже бракованные, зато много, есть выбор.

– А почему столько брака?

– Комплектуют устаревшей программой: построить дом, посадить дерево, вырастить сына.

– Почему не дочь?

– Я же говорю – устаревшая.

Кирилл подошел к балкону, но выходить не стал. Выйти означало бы поменять пространство, время, мысли, поступки. В сумерках неба кружились ласточки. «Ждут корма или к дождю?» – подумал про себя Кирилл. – Дождь к зонтам, зонты к осени, осень к листьям. – Последнее слово вернуло его к листьям А4, что были разбросаны повсюду. – «Листопад».

– Ты же говоришь, что читал все это, а с материалом совсем не знаком.

– Просто творческого мышления не хватает.

– Или чувства юмора, – хехекнул Кирилл.

– *Улыбка была главным ее оружием, то холодным, то огнестрельным, не улыбка, а Пентагон,* – усмехнулся вслух Мефодий. – Кстати, напомни мне, что такое Пентагон?

– Это звезда на кителе Америки, которую ей вручили после Второй мировой. Своего рода орден. Которым гордится каждый американец.

– Есть чем?

– Интернет. Пентагон начал первым плести сеть в левом полушарии. Теперь все программное обеспечение корабля сосредоточено там.

– А Пентагон на чем сосредоточен?

– Изобретает новые войны.

– Зачем?

– Как зачем? Это бизнес. К примеру, выпущено оружие, которое уже требует модернизации, куда девать старое? Нужно развести войну, чтобы его продать. Для войны нужно создать врага, как у О’Генри – «сеяли сорняки, чтобы продать ботинки».

– Не читал.

– Почитай. Полжизни автор просидел в тюрьме. Там все свои книги и написал. В общем, всякая война – это ВДНХ. Выставка достижений народного хозяйства. Если войны разжигаются, значит, это кому-то выгодно.

– Я тоже все время думаю книгу написать, – застрял на О’Генри Мефодий.

– Ну, чистосердечное признание – и вперед, – рассмеялся Кирилл.

Мефодий посмотрел в окно. Там шел радиоактивный дождь. «Скоро должен закончиться». Это было видно по радиоволнам, которые расходились от каждой капли. Из коротких они становились средними, все длиннее и радиопассивнее.

– Чувствую – тема войны сегодня превалирует. Такая вой-

на нужна самому. Я про тебя. Именно такой войны тебе и не хватает. Я вижу, как тебя зае... одиночество. Тебе просто необходимо умножить его на Пи... Жизнь без «пи» ни в какие ворота не лезет, для мужика это крышка, это конец... без работы.

Мефодий скромно улыбнулся, но спорить не стал.

Кирилл вышел на бесконечную террасу, которая уходила в звезды на горизонте. Последние капли дождя гасли, ударяясь об землю.

– Люди слишком сильно зациклены на звездах. Только одни любят их восходом, другие – падением, – показал пальцем в небо Мефодий, где поблескивало звездочками созвездие Кремль. – Цикличность – это закон Вселенной, все движутся по кругу – планеты, созвездия, цивилизации. Одни зациклены материально, другие – духовно, у первых избыток иньской энергии или женской, у других – янской, мужской. Чем дальше читаю, тем больше понимаю, что на Земле происходит черт-те что, нет ни мужчин, ни женщин, вся их энергия ушла куда-то в электричество. Есть только желания, гнев и ограниченность. И еще паркетчик, который циклюет полы.

– Полы?

– Да, полы. Женский, мужской – все одно. Ламинат.

Взгляни на это:

– *Где бы ты хотел жить?*

– *А есть выбор?*

– *Выбора нет, есть только выборы. Отдашь голос, потом ходи без него целых шесть лет. Кричи, доказывай, но кто тебя услышит, безголосого...*

– *А что кричать?*

– *Долой Лама.*

– Лама-то здесь при чем?

– Это образно. Люди в стагнации, они прозябают. Прозябают все, даже президенты, зябко даже на теплом месте, это видно по инею на висках, – пригладил свои Кирилл.

– Вселенной холодно, взглянешь – мурашки по коже, – отвернулся от ночного неба Мефодий. У его синтетики сдохли батарейки, теперь она работала в режиме кондиционера.

– Опять ты переходишь на личное.

– А как тут не перейти? Похоже, темы личного характера и отношений постоянно пересекаются с политическими. По крайней мере мне так показалось, после того как я переработал всю информацию. Не могу уловить связи. Ты даже представить не можешь, какой вид имело все это первоначально. Сплошной поток мыслей.

– Северный или южный?

– Что? – явно был не в курсе событий Мефодий.

– Поток.

– Да какая разница? Я тебе говорю, когда я это увидел, подумал – дело труба, – начал выкручиваться он.

– Знаешь, что главное в этом потоке? Чья труба играет соло.

– Ты шеф, тебе виднее. Я лично духовые не очень люблю. Саксофон – еще куда ни шло, более-менее сексуально звучит.

– Вот и я о том же. Там, где нет секса, начинается политика, – покачал головой Кирилл. – Между ними вера и надежда.

– Кстати, вот что Фэ еще прислала.

– Эф?

– Ага, Надежда – Аджедан, еще скажи. А Амор – это Рома.

– А что, хоть род у человека появился. Знал я одного Рома, очень хорошо жарил шашлык, пока я не понял, что это не самое главное, – зевнул Кирилл, давая понять, что тема эта ему скучна, что он давно уже не ест мяса.

– А что главное?

– Главное в жизни не путать веру с надеждой. Веришь, веришь кому-то всю жизнь, а потом вдруг оказывается, никакая это не вера, а элементарная надежда.

– Элементарная – это ты хорошо сказал. Частица. Надежда состоит из элементарных частиц. Материализованные надежды образуют веру.

– А говоришь, нет творческого начала. Почти стихи. Может, тебе и правда надо книги писать, а ты здесь кактусы гладишь.

– Вот тебе лирика:

С желанием

Нашим главным оружием в отношениях
Мы стали обращаться
Как с холодным
Все осторожнее
осторожны настолько
Что даже забыли как целоваться
Боимся
Лишний раз прикоснуться друг к другу
Не говоря об объятиях
В самых безлюдных местах
Мы ищем людей
Которые могут ненароком
Заметить нас
Обвинить в изнасиловании
Их одиноких чувств
Но нет никого
Кому мы могли бы быть интересными
Еще немного
Не будет и тех кто готов был
С тобой во все тяжкие
Кто готов был грешить
Торопись
Обними покрепче подругу
Подними ее на руки
Поцелуй
В самую маковку
Пусть летит
Ее крыша
А за ней и твоя.

– Твои, что ли, стихи?

– С ума сошел?

– Ну а как еще, по-твоему, можно писать стихи, чтобы проникнуться? Сошел, потом вернулся в свою прозу жизни. Это же поэзия – ее ощущать надо.

– Смеешься? – посмотрел Мефодий на Кирилла, чтобы определить степень иронии в его словах.

Иронизатор зашкаливало:

– А что, хорошие стихи. Здесь такого полно:

– *Кровь горяча, дали центральное отопление, девушка влюблена, она жаждала этого плена,* – промурлыкал про себя Кирилл. – Или вот еще:

– *Я влюблен как клен. Пятерней схватить пытаюсь чувство. Кинулся к ее сердцу. А там лицо, то улыбка от холода, то тепло от грусти.* – Писатели! Заправил картридж и пиши дальше.

– Ты им как будто завидуешь?

– Чему тут завидовать? Фото-гаджеты-интернет. Тепла как не было, так и нет.

– А ты рэп случаем не читаешь? Мог бы в баттлах принять участие.

– У меня есть что почитать и без того. Рэп – это храп народа, он должен быть неприятным. Не хочу фальшивить, как некоторые, – зачитал вслух несколько куплетов Кирилл.

Питер не прав ты
Права Москва
У нее голова на плечах
У тебя мечта
Ты романтик Питер
Потому не сбывается
Не можешь продать
Так как веришь слезам
Почуйсь у Москвы не верить
Успех начинается с недоверия
Следуй этим азам.
Питер, Питер, алло
Слышишь меня
Делом займись
Хватит седлать коня
У Аничкова моста.
Питер, Питер хорош
Разводить страну на мосты
Делом делом займись
Разводить на бабло
Почуйсь у Москвы.
Питер, Питер
Подожди не дожди
Не серь небом
Убери от виска «Аврору»
У тебя же история
На груди Кресты
Ты же хоррор
Такой пережил

900 дней без любви и без хлеба

Питер, Питер

Она же любит тебя

Как бы задницей ни крутила

Ни выпячивала бюст

Женщина

Что с нее взять

Это не от недостатка ума

А скорее от переизбытка чувств

Питер, Питер

В Белую ночь

Обними Москву чтоб застонала

Чтоб на память на сердце остался

Не бордюр, не парадная, не кусок гранита

А двуспальное одеяло.

Питер, Питер

Москва Москва

Куда подевались

У вас все в порядке?

Где вы есть?

Где были вчера?

В «Сапсане»?

Знаю, знаю – «Сапсан» – дефис между вами

Длиной в 4 часа.

– Вау! Кульно. Рулёз, – широким рэперским жестом ки-

нул свою руку Кириллу для рукопожатия Мефодий. Внезапно оба обросли татухами, кепками и цепями. Мифа поймал руку Киры, потом рэперы подскочили, стукнулись грудью, как два петуха, и закончили на кулачках.

– Тут еще припев есть:

Белые белые ночи

Подмосковные вечера

Питер – Дудки!

Москва – труба.

Дирижер пусть играет в оркестр в яме

Мне же нужно мое сегодня

А не ваше вчера.

До свидания

* * *

4 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: С добрым, бодрым утром, Йорик!

1. Безупречно.

2. Бу ждать.

НЬЮ-ЙОРК: С добрым полуднем, Москва!

2. Дождались!

МОСКВА: Йорик!!!

Не знаю, слушаете ли Вы музыку на работе, и это, конечно, не Little Spot молочный с орехом, изюмом, ямайским ромом и не ямайский ром с Little Spot молочным с лесным орехом, но очень бодрит, если на часах 18.00–20.00 – Queen – We Are The Champions.

Всё будет хорошо, я узнавала!!!

НЬЮ-ЙОРК: Спасибо большое, Мося!

Конечно, слушаю музыку. Правда, она не всем моим коллегам нравится. Но благо сижу один в кабинете, так что никому не досаждаю.

5 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Доброе утро!

1. Вы слушаете какую-то разновидность рок-музыки?

2. НЬЮ-ЙОРК, если О. Пекин будет упрячиться, звоните мне, не жалуйтесь на него начальству, мы и сами с ним найдём консенсус.

НЬЮ-ЙОРК: Доброе утро, Москва!

1. Как раньше у Пугачевой был розовый период, так у меня сейчас электронный период.
2. Жаловаться – это не в моем стиле. Вот наябедничать – это всегда пожалуйста! Шучу.
3. Вчера, в силу вечной занятости, не смог развернуто выразить свою благодарность за Ваше вечернее письмо. Был искренне тронут.

МОСКВА: 1. Мда!!! Вот этого да!!! Вы и Пугачеву знаете. Я совершенно не ожидала, чувствую себя прям динозавриком со своими Queen, Scorpions, Aerosmith и иже с ними.

2. Нашим да руководителям хоть капельку вашего остроумия.

3. Надо же было как-то загладить свою вину за 10 мин. Маловнятное объяснение и выразить понимание, солидарность и веру в лучшее – телепортировать шоколад пока не научилась, поэтому просто песня, которая нам верить и жить помогает.

НЬЮ-ЙОРК: 1. Мося, да я ж говорю, сейчас «электронный период». Были и русско-роковый, и дисковый, и реггийный, и кьюрный, и дм, и спейссинтовый, и т. д. периоды. Сейчас транс, а завтра – кто ж его знает, что захочет мой идеальный слух.

2. У Ваших руководителей еще все впереди.

3. Действительно, «с песней – по жизни!».

- МОСКВА: 1. До Вас мне ещё расти и расти!!!
2. Сказала бы я, что у них впереди (чёрный юмор),
3. С ней родимой.

НЬЮ-ЙОРК: См. п. 2. То бишь у Вас всё впереди. Без всякого юмора.

МОСКВА: А хотелось бы с юмором.

Потому как мне и так светит выход на работу в сб. Нет ничего хуже, чем работать в субботу. Отоспаться в субботу – это же в генах.

НЬЮ-ЙОРК: Я имел в виду цветовую гамму юмора, то бишь без черного.

Эх, завидую. Что может быть лучше, чем поработать в субботу. Да еще и с песней, которая, глядишь, настраивает на жизнь.

МОСКВА: Ой, Йорик!!! СПА – СИ – БО!!!

Я, конечно, не смеюсь от души 5 минут кряду, но хотя бы искренне улыбаюсь, ну а далее кофе, шоколад, Queen, и всё перелопатим.

Хорошо быть оптимистом на расстоянии. Это я про субботу.

МОСКВА: Заранее Доброго Вам утра, Нью-Йорк!

Перешлите мне, пожалуйста, в формате одержавшего победу в аукционе.

8 СЕНТЯБРЯ

НЬЮ-ЙОРК: Доброе утро, Москва!

Надеюсь, выходные прошли у Вас прекрасно. В них было всё: песни – караоке, танцы, релакс и т. д.

Да. Будь моя воля, представил бы вас к награде «За ратный труд в выходные».

Хотел в пятницу откликнуться на Вашу просьбу, но не получилось. Так что исправляюсь.

МОСКВА: 1. Прошли. Прямо по мне. Было ВСЁ, и теперь очень спать хочется.

2. Спасибо.

НЬЮ-ЙОРК, теперь дело за Вами.

После подписания Договора ГД и заверения печатью пришлите мне, пож-та, скан Договора.

НЬЮ-ЙОРК: Надеюсь, в Договоре фамилию и отчество Вы написали правильно? Переживаю.

МОСКВА: «Достойное» завершение дня! Сегодня самый

что ни на есть настоящий понедельник! Чувствую острый недостаток сна в крови.

1. НЬЮ-ЙОРК, очень, очень надеюсь, что данная моя непростительная ошибка не повлияет на качество Вашего сна, глубокоуважаемому ГД готова компенсировать моральный ущерб шоколадом известной марки и содержания, готова также понести трудовую повинность /барщину/ во время своего долгожданного трехдневного отпуска.

2. Теперь серьезно – по логике, ошибки быть не должно, т. к. ФИО ГД копировала из карточки фирмы.

3. Завтра все проверю и отпишусь.

9 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Все хорошо, Йорик!

С Добрым утром!

Договор в приложении.

НЬЮ-ЙОРК: Доброе утро, Мося!

1. Мы, конечно, злые, но не до такой же степени, чтобы очаровательную девушку заставлять отрабатывать барщину и лишать ее шоколада.

2. Моя матушка до сих пор не может запомнить, как пра-

вильно произносится фамилия ГД, и называет его Жюльманом, а я, каюсь, на заре своей работы в нашей организации никак не мог запомнить, нужна ли буква «Т» в фамилии ГД или нет.

3. Вчера посмотрел, вроде все нормально в написании ФИО ГД.

МОСКВА: 1. Другого я и не ожидала от злых, но благородных Подрядчиков, вы случайно не Робин Гуд и Крошка Джон?

2. А и Б сидели на трубе... Нет буквы «Т» в вашем слове, вращайте дальше барабан.

Вашей матушке это простительно, а вот для меня как-то непрофессионально, хотя вчера после тренажёрки самокритицизм меня отпустил – не зря мой папа любит говаривать, что лучший отдых – это смена сферы деятельности. В результате я долго смеялась, прочитав Ваше сообщение; моя мама, услышав причину, сказала – он же еврей, а я как-то об этом сразу и не подумала и превзошла себя: мало того что допустила ошибку в фамилии, так ещё и из Абрамовича Иосифовича сделала.

3. Жду скан с подписью ГД.

НЬЮ-ЙОРК: 1. Да, разрешите представиться! – Крошка Джон.

2. Я хоть и не на трубе, но и барабан всю жизнь крутить не хочу. Если я назову все слово целиком?

Не перестаю восхищаться Вашей многогранностью: и театр, и киноискусство, и литература, и музыка, и Музей Советской Армии, и тренажерный зал, и воспитание сына, и на работе всех построит...

3. Сам жду, когда приедет наш многофамильный.

МОСКВА: 1. Йорк, Вы неподражаемы!!!

2. Не стоит. Нас могут услышать. Тем более у вас сектор «Приз».

Бальзам на моё больное самолюбие! Обычно комплименты мне отвешивают за мой внешний облик, а тут!!! Польщена до глубины души, правда, не всё моя заслуга:

1) с воспитанием сына мне родители помогают – вот мой папа так за неделю натренировал сына играть в шахматы, что я из 5 партий одержала победу только в 1,5, и осмелюсь заметить: ему 5,5, а мне 29,5 лет, и это без поддавок и подсказок с моей стороны;

2) на работе во мне периодически просыпается мой папа, а он, хочу заметить, – военный;

3) знаете, как говорят – с кем поведёшься, от того и наберёшься, а подружки у меня сплошь разносторонне развитые, очаровательные, умницы, красавицы, и что характерно для всех, они, как и я, Водолеи, вот и не верь после этого в гороскопы;

4) кроме всего прочего, я еще хожу на курсы испанского.

3. Значит, будем ждать вместе, как котёнок Гав и щенок Шарик.

НЬЮ-ЙОРК: Не, ну я, конечно, догадывался, что судьба милосердна ко мне, раз дает мне возможность общаться с такой умной, начитанной, физически и духовно развитой девушкой, но! Но тут реально поперло! Удача! Она вдобавок ко всем своим незаурядным качествам еще и девица неземной красоты! Вот повезло сыну, родным, близким и окружающим! Эх, хоть одним бы глазком взглянуть на это совершенство...

МОСКВА: Йорик!!! Ну что Вы!!! Чес слово!!! Я скоро от скромности сползу под стол, смешно до слез.

Могу Вас заверить, что если Вам нравятся высокие, загорелые, темноволосые, коротко стриженные девушки с пышными формами, то мне Вас поразить нечем, я являюсь полной противоположностью данного типа представительниц прекрасного пола. Окружающим везёт в разной степени тяжести: для одних оленёнок и солнышко, а для других – волк в овечьей шкуре. Насколько повезло сыну, родным и близким – это надо у них поинтересоваться.

НЬЮ-ЙОРК: Благодаря Вашему письму вот всё и сложилось в моем воображении. Т. к. не имею чести лицезреть Ва-

шего лика или изображения, представляю Вас себе так: бледная, светло-длинноволосая, с непышными формами карлица в волчьей шкуре.

Опять пошутил, опять ржачно. Во поперло. Я выбираю «Приз».

МОСКВА: Чувство юмора прямо налицо, на мое лицо. Теперь смеюсь. Вам бы фантастические романы писать, Стивен Кинг отдыхает!!!

И мне есть чему у Вас поучиться, Вы обошли кратким и лаконичным описанием – Крошка Джон.

А вот мне на ум не приходит объективно представляющий меня персонаж, одни крайности – Золушка – слишком ванильно, а Пеппи Длинныйчулок – слишком фиолетово, завтра я поинтересуюсь у коллег и пришлю Вам графическое изображение персонажей, а если будет время, то объединю их в коллаж.

НЬЮ-ЙОРК: Жду с нетерпением!

Хотел бы я знать, где отдыхает Стивен Кинг.

* * *

12.00

Пушка пробила полдень. Насквозь. Петропаша встрепенулся, посмотрел на Неву. День был мартовский, как кот, он

лоснился и улыбался, природа строила из себя весну, женщины – глазки, мужчины – планы. Над рекой вились чайки. Чаек он не любил, но еще больше голубей – из-за того, что те по простоте своей могли запросто вторгнуться в личную жизнь или чего хуже – сходить туда по нужде. Ему нравилось порезвиться с ласточками, подразнить орлов, которые при всем своем лихачестве, чуть отстав, складывали крылышки. Когда эти детские догонялки ангелу надоедали, он начинал гоняться с крылатыми ракетами. Кинжалы, томагавки, булавы – все уступали ему в скорости, да и цели у них были разные. В этих полетах наперегонки он не заметил, как оказался над Сибирью. Тайга уходила в горизонт в знак бесконечности полезных ископаемых. На пустом тракте одинокий столб дыма, в который он врезался. Резкий запах пластмассы и паленого мяса. Внизу горело здание; «Распиздяи», – вырвалось у него, когда он услышал трагические детские голоса. Ангел подлетел ближе, увидел, как пожарные расчеты бестолково пытались погасить пламя. «Что творят?» Он взмахнул крыльями, опалил их, прежде чем потушил пожар, слишком поздно. «Сука», – выругался на себя, вспоминая, как только что бездарно потратил драгоценное время на гонку вооружений.

Народ смирен, он грустно сплотится, он поставит свечи или повесит открытки со свечами на стене, медленно будет гореть фитиль бессилия и смирения. Это и есть гражданский долг. Ни света от этих открыток, ни тепла. «Народ ставит

свечи... Если бы так просто можно было вылечить весь этот гемор», – поправил он крыло. Смирение воли, толерантность духа или наоборот, что в результате? Душевная нищета, бессилие, трусость. Трущобы, в которых будет доживать свой век сыкливое сердце.

Где вендетта? Где зуб за зуб? Где «кто с мечом придет, тот от меча и погибнет!»? Кто с мечтой придет, тот от мечты и погибнет.

* * *

Поздравляю, сегодня всемирный день секса!! (Надо поздравить 9 человек, иначе не будет секса 7 лет.) Понимаю, что бред, но рисковать не могу.

– Поздравил уже?

– Кого?

– Да хотя бы Матильду, – рассмеялся Кирилл. – Почему люди так помешаны на сексе? Хотя чем ему еще мешать эту скучную жизнь.

– Это видимость, на самом деле проблемы эти никому не нужны.

– Думаешь, она не поздравила девять человек? – натянул брови Кирилл.

– Может, и поздравила, но это ничего не меняет. Я знаком с ее историей. Она любит одного, а он погиб много лет назад. Какой секс без любви?

– Тупой.

– Даже удовольствие может быть тупым, как боль. Что тупит сильнее? Боль или удовольствие? – задумался Мефодий.

– Тупой.

– Грубо! Хотя прилагательное хорошее. Живи, прикладывай его на рану от пережитых чувств. А все разговоры о сексе так и останутся разговорами.

– В начале было слово, – вставил свое любимое Кирилл, – потом дело. Те, кто не хотел быть вторым, научились красиво говорить.

– Между человеком слова и человеком дела женщина методом проб и ошибок выбирает второго. Человек дела – это тот самый человек, о котором мечтает женщина.

– Где же твоя Матильда?

– Догадайся.

– Или ты считаешь, что ты из нас первый?

– Она же на меня положила глаз.

– Судя по ее равнодушию – не только глаз, – пошло улыбулся Кирилл.

Мефодий рассмеялся. Его смех запрыгал по небу, как теннисный мячик. Топспины возвращали его обратно. Хо-хо долго летало туда-сюда, пока Кирилл не закрыл Мефодию ладонью кран хохота, потому что это хо-хо начало перебивать его внутреннее хе-хе.

– Если на мужика положили глаз, значит, завели дело. Он под следствием. Задача мужчины довести его до конца или

закрывать за недостатком любви. Так что действуй, Мифа.

За окном грянул гром и пошел метеоритный дождь. Сначала робко, потом все сильнее и ярче, пока не стал яростным и безумным.

– Люблю такие дожди, – романтично посмотрел в небо Кирилл.

– Я же говорю, что ты из Питера.

– Да какая теперь уже разница? Все мы родом из матери. Все мы от отца.

– Ты про Родину?

– При чем здесь Родина? Я про мать говорю. Любишь ты измерять мир идеологической линейкой. Будто родился в эпоху застоя. – Кирилл взял очередную бумажку и быстро пробежал по ней глазами.

– Ты знаешь, что такое СНГ?

– Нет, но есть варианты.

– Тогда послушай.

– *После развала СССР в стране наступила вечная осень. Все стали жить одной идеей СНГ.*

– Скоро Новый год.

– Ну да. Ежегодная вера в чудо.

– Я бы добавил – постоянная вера в чудо, – продолжал любоваться метеоритным потоком Мефодий.

– Оригинально. Чувствую «Прогресс» в твоем сознании. Начал доставлять грузы на орбиту. Еще какие варианты?

– Союз независимых гастарбайтеров.

– Тоже неплохо. Союз – как много в этом слове врагов. Вроде светлое такое слово, а не успеешь произнести, как уже со всех сторон окружили враги.

– Опять твои филологические кошмары.

* * *

Через несколько мгновений он уже бежал от них по беговой дорожке. Самое грустное в этом беге – что никто никогда не бежит навстречу, все бегут в одном направлении, никто никого не обгоняет. Без соревновательного эффекта долго невозможно. Скоро он остановил дорожку, парк, деревья, их рост, обычно он добежал от весны до осени, но сегодня деревья так и остались зелеными, что-то не бежалось. Накинул на шею полотенце и пошел в душ. Тот встретил его прохладно. Смеситель противно затрещал на своем. Пришлось договариваться, покрутив кран горячей воды.

На это ушло несколько секунд – целая вечность, если измерять в мгновениях. В каждой секунде их ровно 17. Мгновения были открыты давно, гораздо раньше нейтрино, но как мера измерения времени никогда не учитывались. Работала, как и раньше, величиной абстрактной. В которой можно было долго измерять счастье. А зря. Ведь в каждом из мгновений своя пора. «Пора!» Он закрыл кран и, накинув на себя полотенце, вышел на другой балкон, который по размерам напоминал небольшой полуостров. Внизу пруд. Чем больше

он кормил, тем явственнее пруд стал походить на водохранилище, яства сыпались прямо из рук. Обычный батон вдруг стал для кого-то яством. Ажиотаж – вот что он делал с мировоззрением. Совсем скоро водохранилище открылось морем. Здесь Кирилл любил кормить уток, создавая ажиотаж для всех остальных.

– Уток нельзя кормить хлебом. У них потом крылья секутся. Теряют летательные функции, – как и всякий заместитель, подкрался незаметно сзади Мефодий.

Внизу к балкону начали подтягиваться суда, сначала это были катера и яхты, потом начал подходить флот: фрегаты, эсминцы и крейсера, и, наконец, словно киты, поднялись из морской пучины подводные лодки.

– Что за дурацкая привычка – появляться в самый разгар созерцания, – чуть не выронил из рук батон Кирилл.

– Созерцания – от слова «озерцо»? – постарался Мефодий, давая понять Кириллу, что тоже обладает филологическим вкусом. – Хватит скромничать, это давно уже море. А крылья действительно секутся.

– Так вот почему люди не умеют летать – слишком много хлеба, – продолжал сыпать мякиш в воду Кирилл.

– Возможно, поэтому ангелы не едят хлеб.

– А чем же они живут? С виду упитанные такие.

– А ты чем живешь? Святым духом, поэтому, в отличие от птиц, летают, но не гадят.

– Ангел по определению не может, не может быть гадом.

Ты находишь связь между гад и гадить?

– Мне кажется – прямая, – не раздумывая, ответил Мефодий.

– Кишка.

– Грубо, очень грубо.

– Ну, давай образно. А ты же не можешь образно, кишка тонка, – отомстил за нарушение покоя Кирилл.

– Трубопровод, – вывернулся Мефодий.

– Трубопровод не кишка, а горло. Союзники опять пытаются наступить нам на него. Извини, я, конечно, перебрал про образы.

– Не извиняйся. Это не красит адмиралов. Надеешься, что «Мистрали» все-таки подойдут?

– Ах ты, шельма, умеешь задеть за больное. – Кириллу расхотелось кормить уток. – Нет, я дальше смотрю, много дальше, – указал он взглядом вдаль.

Там на горизонте вместе с кораблями, крейсерами и подлодками за хлебом потянулась и суша.

– А ты, я смотрю, любишь кормить. Куда ни глянь, везде твои щедрые руки.

– Прикорм – это очень важно, я же тебе говорю, что работаю на перспективу.

Нужно создавать кормушки. Чем больше, тем лучше. От этого зависит улов.

– Я понял, уха вкусна, когда навариста.

– Ну, в некотором роде. Кстати, а почему бы мост между

левым и правым не построить? – понюхал свежеотломленный хлебушек Кирилл и бросил в воду.

– Это дорого.

– Значит – выгодно. Та же стоматология, только другого масштаба. Если где-то прогнило, ставь мост и не парься.

– Стоматологи разводят людей на мосты, – невербально прошелся языком по своим Мефодий.

– А мосты – на берега? – рассмеялся Кирилл. – Надо строить разводные.

– Сейчас какой объект ни строй – все разводные. Главное – найти того, кто будет отвечать за разводку. Никто не хочет быть крайним, все хотят быть последними.

Между ними повисла пауза. Перезагрузка. Где-то вдалеке траулер начал грузить улов прямо посреди их разговора, а они, открыв рты, наблюдали за крупной рыбой. Мефодий был моложе, его нейроны справились первыми. Он раньше Кирилла очнулся от мечты и продолжил:

– Тепло. Бабье тело.

– Бабье, – задумчиво молвил все еще загруженный Кирилл. – Знаешь, что такое бабье лето? Это когда осень пришла и застала лето с бабой.

Мефодий беззвучно рассмеялся, как он умел, когда было не смешно, или ему не нравилось слово баба. Смеяться так он научился давно, это было удобно, вроде как человека не обидишь, а совесть не услышит, что смеешься из уважения. Но совесть услышала: «Отдашь голос, потом кричи, смейся»

безголосый. Рыба!» – дала она ему пощечину, он почувствовал горячий румянец на лице, словно табло его было table, за которым играли в домино.

– Как дела с музой? Все еще не слушается твоего воображения?

Мефодий отрицательно покачал головой, отвечая на вопрос.

– Будешь? – предложил ему Кирилл. – Свежий, я сам половину съел.

«Врет», – подумал про себя Мефодий и не стал останавливать голову. Совесть не позволила. Рука Кирилла по-прежнему ждала. Она застыла с хлебом в удивлении. Мефодию пришлось взять кусок хлеба, положил на язык, потом спрятал за щеку: «После выплуну».

– Это все? Ну как хочешь. – Кирилл бросил хлеб в атмосферу. Тот плюхнулся в море и поплыл, а стая голодных марин и субмарин долго и жадно кусала его, таская краюху по воде. Они ловко справились с щедрым подарком, только крохи достались тем рыбам, что сидели на дне.

– Хватит головой качать. Что ты, как китайский болванчик, заладил одно и то же? Где величие?

– Слов нет, я не китайский болванчик, я скорее маятник Фуко, – остановил голову Мефодий, провожая батон глазами.

* * *

10 СЕНТЯБРЯ

НЬЮ-ЙОРК: Доброе утро, Москва!

1. Контракт подписан ЭЦП, проверьте, пожалуйста, все ли в порядке.

2. Пытался облегчить Вам жизнь, не получилось, на итоговой сумме сломался. Отправляю то, что получилось.

P. S. Сгораю от нетерпения.

МОСКВА: С добрым утром – днём!

1. Всё в порядке.

2. Суммы разные, потому что с точки зрения математики сайт закупок и программа «Смета» лежат в разных плоскостях и, к сожалению, не пересекаются. Не жалеете Вы меня, НЬЮ-ЙОРК, смета в приложении.

P.S. не могу порадовать – подруга с лёту сказала – Золушка, но хочу заметить что размер ноги у меня 37–38. Жду следующих сравнений.

НЬЮ-ЙОРК: 1. Слава Богу! ГД будет доволен.

2. Конечно, жалею. Иначе не полез бы в дебри сметного искусства. Если получится, попытаюсь передать подписанную смету Вам или ГД (тогда дайте его координаты) завтра вместе с водителем. Договор подписал и передаю.

3. И о приятном:

3.1. Возникает впечатление, что в нашем с Вами диалоге участвует как минимум половина вашего города.

3.2. Если я правильно понимаю, я со своим 45-м размером ноги тоже не могу претендовать на звание Золушка?

3.3. А о чем еще может сказать размер ноги?

МОСКВА: 1. Более всего он будет доволен, когда подпишет акт о приёмке выполненных работ.

3. О приятном:

3.1. Спешу Вас обрадовать – не только половина, но и весь город спит спокойно.

3.2. Ну вот теперь я знаю хотя бы размер Вашей ноги.

3.3. Что вы не с той встали.

3.4. Сын долго отпирался, говоря, что я не похожа ни на кого, потом раскололся и сказал – Рапунцель.

НЬЮ-ЙОРК: 1. ГД обещал к выходным все закончить.

2. Москва! И где он сидит? «Адрес, сестра! Адрес!»

3. О приятном, подробнее:

3.1. Искренне счастлив за город.

3.2. А я никогда его и не скрывал! Я вообще ничего не скрываю. Скрытность – это не мой конёк!

3.3. Той давно уже и след простыл. Другую хочу!

3.4. Сыну верю! А кто такая Рапунцель?

МОСКВА: Солнечная системе, планета Земля, Российская Федерация, Москва, корпус, этаж, комната, кровать.

3.4. Мультик такой есть: «Рапунцель – запутанная история», отмечу, что волосы у меня не такие длинные, только по пояс.

НЬЮ-ЙОРК: Спасибо за полный адрес, а то наш собирался в другую галактику съездить.

МОСКВА: Мало ли! Говорят, что есть планеты, подобные нашим.

Ваш с кем? С женой?

3. О приятном:

3.2. «Скрытность – это не мой конёк!» – Вы скромничаете, да ещё как, Вы, наверное, служили в разведке.

3.3. Очень хотелось бы сделать для Вас коллаж из Золушки – Гаечки – Рапунцель, но не сегодня.

НЬЮ-ЙОРК: Мы с ней давно не живем, но по привычке

так говорю.

3.2. Это всё не от разведки, а от высокоразвитой скромности. Ну вот представьте, Москва, как я могу выглядеть на Вашем фоне, на фоне «спортсменки, комсомолки и, наконец, просто красавицы»? Жалкое зрелище! Нью-Йорк, женатый на статуе Свободы.

3.3. Сделайте мне лучше коктейль.

МОСКВА: Оговорочка по Фрейду...

3.2. Вот про комсомолку Вы как в воду глядите – сегодня с сыном спасали голубёнка – до этого был дятел, ой, Йорик, в общем чувствую себя... волшебной на всю голову.

3.3. А Москва-то не дремлет и предлагает Вам засылать настоящую фотку. Будет вам коктейль.

НЬЮ-ЙОРК: Не веришь? Могу сдать психоанализы))

3.3. Горю от нетерпения, Волшебница! Нет, Фея!

МОСКВА: Верю, как не верить. Жду, надеюсь, верю.

А как ж интрига, загадошность, неприступность, что там ещё в арсенале у женского пола... – Сколько там Бастилию брали?

Подруга у меня потрясающая девушка, умна, красива, но иногда её пробивает на тему «Вы привлекательны, я чертовски привлекательна, чего зря время терять», причём сама

этого не замечает.

Даю честное пионерское слово, что не буду Вас долго томить, но сейчас надо работу доработать и в тренажёрку.

НЬЮ-ЙОРК: Утомленный солнцем. Томленное молоко – нет ничего страшнее для мужика.)) Настоящий мужчина сначала строит Бастилию, потом берет.

Физкульт-привет чертовски привлекательной подруге!

МОСКВА: Солнце приму за комплимент. Ваша правда, пастеризованные мужики никому не нужны. Надеюсь, до этого не дойдет. Иначе придется вспоминать о фермерском хозяйстве, которое в упадке))

Девушка она очень хорошая, бывшая гимнастка, и я её уважаю, несмотря ни на что.

Песня из мультика про пластилиновую ворону.

НЬЮ-ЙОРК: Уже поднимается))

Я тоже ее уважаю.

МОСКВА: На мой вопрос – сколько дней брали Бастилию? – моя мама /преподаватель истории/ сказала – один день, что ее брат-то! – так что, буду последовательной – вот Вам напосмотреть. Фото прилагаю.

11 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Добрый день, НЬЮ-ЙОРК!

Грустный день. Ухожу на больничный, по всем вопросам, связанным с оформлением Договора и Актов, обращайтесь к ГД, координаты у Вас есть.

НЬЮ-ЙОРК: Тебе грустно? Скажи шампанскому «Да».

«Не уходи, побудь со мною...». Иначе я тоже уйду. 11 сентября в Штатах тоже грустный день.

1. О работе.

А ГД сможет подписать контракт с вашей стороны? Сегодня должны привезти бумажные версии + сметы.

2. О приятном.

После очень беглого взгляда на Вашу страничку пребываю в шоке. Культурном и эстетическом. Как появится время, обязательно прикоснусь к прекрасному.

МОСКВА: Да!

Нет, Вам никак нельзя, никак, Вы же представитель сильного пола и сотрудник ООО, а я пользуюсь преимуществами материнства, бюджетной организации и наличием помощника. ВОТ.

Более того, на больничном планирую заняться с сыном изготовлением шахмат, фото в приложении.

1. Нет, Йорик, к моему большому сожалению, я незамени-

ма – в пн. выйду на работу и подпишу контракт на площадке.

2. Благодарю, хотя откровенно говоря, немного недопонимаю, что Вас могло шокировать, – я не нарываюсь на комплименты, хотя, конечно, приятно.

НЬЮ-ЙОРК: Ну если по срокам Вы успеваете – болейте ради бога. Хотя, как мне кажется, можно и сегодня подписать ЭЦП.

2. Шокирован многогранностью Ваших увлечений и знаний. В наше время нечасто встретишь подобное. Опять же эти шахматы...

1. Открыл в себе дар экстрасенса. Мои предположения по поводу профессии Вашей матушки сбылись. Продолжаю совершенствоваться.)))

12 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Доброе утро!

Я бы рада и вчера, но по закону надо ждать 10 дней, и поэтому не так скоро.

1. Рада, что наше общение пробуждает Ваши неординарные способности. Так держать!!!

2. Я предпочитаю не думать о своей исключительности и редкости, потому как каждому человеку дано свое, и чем

больше тебе дано, тем больше с тебя спрос.
Шахматы – это да!!! Руки так и чешутся.

Удачного Вам рабочего дня!
15 СЕНТЯБРЯ

НЬЮ-ЙОРК: Большое спасибо, Москва!

Я пошел по Вашему неверному пути. «Послал богуполномоченного по копытам». То бишь выдали мне в прошлый четверг помощника. Появилось это красно-солнышко на нашем небосклоне и пропало... Думать пошло. И была у меня слабая надежда: за четыре дня размышлений поймет уполномоченный по копытам, что наша организация не достойна столь высокого уровня уполномоченного, ан нет, достойна.

МОСКВА: Благодаря Вам возникло желание перечитать Ильфа и Петрова.

Йорик, надо оптимистичнее, оптимистичнее!!! Вам же с ним на брудершафт не пить, и есть же «тупая бумажная работа» или нет?

И чем же красно-солнышко за один раб. день заслужило такие нелестные отзывы? Неужели это был сам Шура Балаганов?

НЬЮ-ЙОРК: Красно-солнышко даже не за один раб. день, а за 5 минут нашего общения заслужило отзывы – нелестные.

1. Вам, наверно, встречались люди, у которых папа-мама/муж-жена/сестра-брат достигли некоторых высот. Так эти люди почему-то проецируют успехи своих родственников на себя и считают, что это они достигли этих высот. То бишь амбиции, никак не связанные с истинным положением дел.

2. Помощник пытался меня, адвоката со стажем, убедить, что закон, по которому сейчас ведутся госзакупки, безнадежно устарел и давно отменен. Ну и по поводу знания закона, я думаю, даже упоминать не стоит.

МОСКВА: Крепитесь, Йорик, крепитесь...

1. Приходилось, конечно, – тут не только родственные отношения, но и наглость, высокомерие вкупе с завышенной самооценкой. Но Бог миловал работать с такими в одной связке, поэтому мне их всегда было искренне жаль, ничего хорошего из этого не выходит.

2. Терпения Вам и мудрости, чтобы правильно и под правильным углом поставить этого Помощника на нужное место.

3. Можно начальству мягко намекнуть, что мелковата должность-то для птицы столь высокого полёта, или «приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

НЬЮ-ЙОРК: Креплюсь-креплюсь. Домой отправил вундеркинда. Пусть отдыхает...

МОСКВА: Йорк, зная Вас, мне уже хочется пожелать вундеркинда, Вы так суровы – бьёте не в бровь, а в глаз и делаете это так ненавязчиво, что, думаю, Вы сможете сделать из этого полена неплохого Буратино.

Хотела немного отвлечь Вас от работы, но, к сожалению, сама в работе, как «свинья в апельсинах», поэтому как-нибудь потом.

НЬЮ-ЙОРК: Вот, Мося, повеселитесь: «Чикагские мужики настолько суровые, что банкоматы дают им деньги без карточки».

Вообще-то я мирный. Я детей не бью, даже если им необходимо придать форму. Ну, папа Карло так папа Карло.

Спасибо тебе на добром слове. Буду ждать, когда наступит «потом».

МОСКВА: У нас тоже ходит подобная байка, только мужики челябинские.

Женщина с пышной прической читала внизу долгую речь, настолько длинную, что прожорливые птенцы уже успели свить гнездо в ее шевелюре и, азартно открыв клювы, пытались заморить червячка.

– Умная?

– Безумно.

– Будто на «Тоску» попал.

– Пуччини?

– Откуда ты знаешь?

– Я просто так, угадал.

– Не волнуйся. Знать и угадать – это одно и то же. Когда ты угадываешь, подсказывает подсознание.

– Всегда бы оно так подсказывало.

– Преподы же не любят, когда подсказывают, – вспомнил о профессии Мефодия Кирилл.

– Да, они предпочитают подсказки от ума, – согласился Мефодий.

– От большого ума, – добавил Кирилл. – Ум. Он нам все время преподает.

– Честно говоря, он терпеть не может подсознание.

– Тоска. Только голос поставленный, – снова указал взглядом на женщину с гнездом Кирилл. – Надо было его поставить в такое неудобное положение.

– Да, задрала. С другой стороны юбку задирать уже не по статусу.

– С другой? Откуда она?

– От Матвея.

– Это имя для меня святое, – поднял глаза к небу Кирилл.

– Да, ему не откажешь. Должна была быть ангелом или хотя бы ангелой. Сколько их было отправлено: Дэвис, Джоли,...

– О чем ты? Целый город был для них выстроен.

– Лос-Анджелес, если не ошибаюсь? Никто не справился с задачей. Взять хотя бы последнюю Ангелу из Восточного полушария.

– Да. Ангела меркнет. Жалко женщину.

– Только не надо ее жалеть, она может принять это за любовь. Женщину надо любить, – улыбнулся Кирилл.

– В этом-то и вся проблема. Мне кажется, люди разучились это делать, заниматься – да, а вот делать разучились.

– Может, исключить? – кивнул Мефодий на женщину. Кирилл хлопнул в ладоши. Невесть откуда вылетела птица-секретарь и росчерком пера подписала указ.

Мефодий ни с того ни с сего рассмеялся.

– Что смешного?

– Усы. Птица-секретарь и с усами. Никогда не видел.

– Да. Редкий экземпляр, безупречный сотрудник. Хочешь, я тебе тоже такого выпишу.

– Дорого, наверное?

– Да, не дешево. Схватывает на лету, но много. Хавку обожает.

– Это заметно.

– Ну что, нужна тебе птица-секретарь? Усатого не обещаю, недавно он их сбрил на спор, но толковый.

– Да не, сам я не азартный. Зачем мне секретарь, который спорит. Я сам с усам, сам как-нибудь справлюсь.

– Сам, сам... я же вижу, что не справляешься.

– Ты вообще внимательно читал? Я имею в виду письма с Земли? – с недоверием взглянул Кирилл на Мефодия.

– Обижаешь. Я просто выбрал все самое релевантное для эксперимента. Самые чувствительные точки.

– Хорошо, давай расставим точки G, – пошутил Кирилл.

Любить это не только засунуть свой язык в ее рот, приклеить к ее шее, это достать все свое лучшее, достать свое самолюбие, чтобы оно слиняло, наконец, засунуть свою гордость поглубже и достать свои чувства, пусть выскажутся. Самодостаточность – вот что имеет значение.

– Ты только представь, встретятся два самодостаточных, они же достанут друг друга через пять минут, – засмеялся беззвучно Мифа.

– Мне кажется, ты неправильно трактуешь это самодостаточное слово.

– Ладно, тогда ты мне объясни, что это такое? Самодостаточность?

– Самодостаточность – это когда сам в достатке и щедрость в излишке, – отвернулся от уток Кирилл, которые уже успели снова проголодаться. – Женщины любят щедрых.

– *Идиотами нас делало только то, что мы могли быть вместе двадцать четыре часа в сутки, и этого было мало,* – процитировал Мефодий. – Это можно отнести к настоящей любви?

– Дело же не в количестве времени, проведенном вместе, дело в качестве. Удовольствие – вещь неисчислимая. Удовольствия – это пузырьки, от воздушных детских до игристых шампанских. Если же говорить о любви, знаешь, в чем разница между людьми? Одни меряют любовь счастьем, другие – страданием, ну, а те, у кого ее немерено, – состраданиям.

Кирилл снова неодобрительно посмотрел на женщину, что уставшим от власти лицом читала доклад. Власть имела одно лицо на всех, будто была ботоксом, который закачивался каждому народному избраннику под кожу. «Ей бы на дачу, к внукам да к огурчикам».

– Моложе никого не нашлось?

– Молодость дороже. Есть одна.

– Молодость у всех одна, – задумчиво процедил Кирилл. – Красивая?

– Не Матильда. К тому же придется ворошить общак.

– Ну, для такого дела можно, было же у нас обчество, был

же у нас обчак? – сознательно заменил он букву в слове букву «щ», чтобы подчеркнуть и придать ему особую чрезвычайность. – На всякие такие дела.

– Был и есть.

– Ну, показывай.

По мановению руки в проекции появилась молодая девушка и начала вращаться по часовой. Она что-то говорила, но слов не было слышно.

– Ну как?

– Ну как тебе сказать... Для этого у нас обчак и существует, – задумчиво произнес Кирилл. – Звук включи.

– Скрипучий женский голос начал резать уши.

«То ли женщина на взводе, то ли взвод на женщине», – усмехнулся он про себя.

– Не нравится мне.

– Что именно?

– Ничего не нравится, ухо режет. Ты не замечаешь?

– Нет

– Глухой? Чек, чек, чек... Что это?

– Человек.

– Я понимаю, но зачем так красноречиво? Она же не видит людей, не люди, а сплошные чеки.

– И правда.

– Был Че-ло-век! – произнес Кирилл по слогам. – Остался Чек. Где «лове» в середине человека? Где love? Где любовь к людям? Пусть не в душе, хотя бы в дикции. Продана. Вот

ваш чек.

– Сейчас все так говорят, сокращенно.

– Но я же так не говорю, и ты тоже. Пусть ты мизантроп, но культура-то должна оставаться.

– Культуру оставили, если ты про канал.

– Это хорошо, но я про язык. Это же инструмент. Музыкальный. Его же кому-то слушать. Плохо сыграешь – не услышат. Вот что пишут на эту тему люди:

Те, что не умеют говорить, просто держат его за зубами, а мы содержим, иначе он и до Киева доведет.

– Понимаешь?

– Молчание – золото?

– Да. Нужен немой кандидат.

– Не твой?

– Немой и не твой. Нейтральный. Понятный всем. Ты чувствуешь, что теперь сам язык стал выстраивать истинное значение нас. Цензура внутри самого языка. А здесь что?

– Что? – не понимал Мефодий.

– Каждый просто чек, все измеряется деньгами. Кто пойдет за таким языком? Он же с первого слова против всех. Человек – не просто Чек, это должно звучать гордо! – горьким голосом произнес Кирилл.

– Вот именно, что должно. Но откуда взяться гордости, пока человек должен?

– Откуда, откуда – от государства.

– Так и государство должно.

– Государству сложнее всего, оно должно и другим, и своим. С другими еще можно как-то договориться, со своими сложнее... Ладно, обсудим еще. – Кирилл вытер пот со лба. – Отвлеклись. Давай о деле. В конце концов... все проходит.

– А многое даже по головам, – почесал он затылок. Затылок у Мефодия был как багажник у внедорожника, большой и вместительный.

Кирилл взял со стола новую партию листков и стал перебирать их в руках. Вот снова о женщинах. Похоже, на корабле с этим большая проблема:

– Тебе нужна женщина мудрая, которая будет любить тебя таким, какой ты есть.

– Да где же такую взять?

– Тебе бы только взять.

– Нет. Женщина не взятка и не дайка. Она любит, чтобы все было по закону. Дарите женщинам цветы, они подарят вам детей, – перевернул страницу Кирилл. – Все начинается с цветов, – вспомнил он про цветущий на подоконнике кактус.

– Сначала своди свою в ресторан. Накорми, выслушай. А потом бери, что хочешь, как хочешь, где хочешь.

– В том-то и беда, что своя уже так надоела дома, что в ресторан хочется с другой.

– Тупые. Ресторан – это не каприз общественного пита-

ния, это средство борьбы с кухней, посудой, бытовухой. Оторви свою бабу от рутины, дай ей почувствовать себя женщиной.

– Может, перекусим? – внимательно слушал его Мефодий.

– Можно.

– Куда пойдём? Итальянская кухня? Грузинская?

– Надоело уже на кухне обедать.

– Хочешь суши?

– После нее захочется воды.

– Куда тогда?

– Куда угодно. Только не шведский стол, – вспомнил Кирилл стол из «Икеи», за которым он сидел как-то в Нобелевском комитете. Направо и без права раздают нобелевские миллионы, а на столе, кроме воды и сине-желтых флажков, шаром покати. Такое впечатление, что они вообще не едят, а только льют воду. С умным видом. Потом вручают не пойми кому. Какие выборы на голодный желудок?

– Может, в столовку?

– А пошли.

Они вышли в соседнюю комнату, взяли по подносу, положили их на рельсы и стали медленно двигать по железной дороге, высматривая в окно купе и складывая под нос самые лакомые куски.

17 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Добрый вечер!

К сожалению, слов на своего Помощника, да и в целом на работу у меня уже не хватает, спектакль не удался – бесподобен был только Этуш Владимир Абрамович в роли еврея, а это 20 мин. из 3 ч, на – // – (бывшее место работы) полная ж... – новый гл. инженер знает конструкцию и производство двигателей так же, как и Ваш помощник.

НЬЮ-ЙОРК: Здравствуйте, Москва!

Прочитал несколько раз, на седьмой раз начал что-то понимать. Попытаюсь воспроизвести:

1. Ваш Помощник даст фору моему.
2. Вы были на спектакле, где играл в т. ч. Этуш В. А.
3. Также Вы были на «– // –», где произошла смена состава, и она Вас не вдохновляет.
4. Мой Помощник – золото!

МОСКВА: Извините за сумбурность в подаче информации:

1. Просто у человека нет опыта работы, вообще нет, но выбирать не из кого.
2. В точку.

3. Нет на «- // – я не была, туда без пропуска не пускают, да я бы и не пошла, не хочу расстраиваться, знаете, всё-таки первая моя работа – 10 лет, вот Вам снится, как Вы заявки подаёте, а мне детали снились.

4. В перспективе.

5. Перехожу на Владимира Семёновича Высоцкого.

18 СЕНТЯБРЯ

НЬЮ-ЙОРК: Надеюсь, что доброе утро!

1. Помнится, накануне 1 сентября Вы поделились радостью, что Вам ДАЮТ Помощника. Ключевое слово – ДАЮТ. То бишь не ты выбираешь, а берешь то, что дают. По этой причине я и не хотел себе нынешнего Помощника. Конечно, задумывался о его появлении на моем небосклоне, но выбирать хотел сам, т. к. у меня к Помощничку есть определенные требования.

4. Это была шутка. По типу из анекдота: «Сара – золотце, выходи!»

5. Перехожу на «Megadeth».

МОСКВА: Конечно, ДОБРОЕ утро, день и вечер!!!

1. Вы знаете, я по натуре оптимист – поплачу, пожалею себя и говорю: всё, что ни делается, всё к лучшему, – значит, нужны нам с вами именно «такие» помощники, пони-

маю, что Вам сложнее, чем мне, в разы – объёмы и масштабы другие, требования, соответственно, выше, а у меня-то делопроизводство знает инормуль, остальное научим.

2. Нашла в Интернете, посмеялась, вспомнила Этуша, всё-таки не зря сходили на спектакль.

5. Не надо!!! У Высоцкого есть очень даже весёлые песни, я ж выросла на нём и на бардах. «О переселении душ» слышали?

МОСКВА: ... не в тему пишу, но меня порадовали в конце раб. дня – назвали лучиком света за мой жизнерадостный голос – мелочь, а приятно, надеюсь, что у Вас, в конце дня есть чему порадоваться.

НЬЮ-ЙОРК: 1. Рад, что Вы оптимистка и жизнерадостная девушка! Надеюсь, это не маска, не забор, не стена, за которой искренность на цепи.

2. Помощник пока радуется, и это не шутка. Загружаю его обезьянкиной работой, справляется.

3. По поводу неудачных и удачных дней. Согласно исследованиям психологов количество их прямо порционально числу сладких и пресных ночей.

19 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: 1. Жизнь нужно прожить так, чтобы не кончалась.

МОСКВА: Доброе утро, НЬЮ-ЙОРК!

2. Лиха беда начало!!! Рада за Вас и Вашего помощника, мой меня пока радует средне, но я это воспринимаю как дополнительный стимул для ухода из данной организации.

3. Цитирую:

День на ночь не приходится, часто плохие дни чередуются с очень жаркими ночами. Главное оставаться оптимистом.

И как вариант

Три сценария:

1. От вас ушла жена к другому.

Пессимист: Это конец моей жизни.

Реалист: Это конец моей семейной жизни.

Оптимист: Это конец проблем с бюджетом!

НЬЮ-ЙОРК: Спасибо за звонок. Был очень рад побеседовать с Вами. Давно не слышал Вашего ангельского голоса.

3. Мой вариант – Оптимист!

МОСКВА: А я-то Вам как благодарна, в своём стремле-

нии обеспечить спокойный сон городу я так преуспела, что от нехватки общения скоро буду разговаривать с животными.

3. Вы, НЬЮ-ЙОРК, как всегда, загадочны и многозначительны. Я тоже за оптимизм, хотя во мне всегда идет борьба пессимиста и оптимиста: стакан наполовину полон, а я наполовину опустошена.

Хороших Вам выходных, говорят, что на следующей неделе уже похолодает.

НЬЮ-ЙОРК: Эх, плюнуть бы на всё и вернуться в Москву. Устроиться на работу, согреть вас, общаться с вами, чтобы вы не беспокоили бедных животных, смотреть на звёздное небо, затянутое смогом подмосковных торфяников.

3. Москва! Это Вам показалось. На самом деле я простой, как три копейки.

Спасибо на добром слове. И Вам насыщенных выходных. А предсказаниям наших синоптиков верить – себя не уважать. А вообще, у природы нет плохой погоды. Знаете, как различить оптимиста и пессимиста? Пессимист думает, что завтра пятница, а оптимист – что послезавтра суббота.

Иш-тыть, понаписал... Ай да я, ай да мамин сын!

И только реалист в курсе, что у четверга нет будущего.

МОСКВА: Я смотрю Вы уже на Пушкина замахнулись)))

Эко у нас общение плодотворное, меня на фотографию потянуло, а Вас, значит, на прозу. Скоро буду Вас на ночь читать для улучшения качества сна, а то у меня скоро 2 года на этом курорте, и клиническая карта изменяется не в лучшую сторону, и это с моей-то закалкой.

Айда в наш совхоз начальником участка!

Нью-Йорку себя бросить трудно, думаю даже невозможно. Куда от Свободы уйдешь, пусть даже статуи.

Какая я гостеприимная.

Небо сегодня очень, даже смога не наблюдается.

3. Добавлю это к 45-му р-ру ноги и «Оптимисту!»

22 СЕНТЯБРЯ

НЬЮ-ЙОРК: А что, и замахнулся! Хотя Пушкин – наше всё, для меня нет авторитетов. «А я и в цари записаться могу. Кто тут, к примеру, в цари крайний? Никого! Так я первый буду!»

При таком раскладе с удовольствием стал бы начальником, президентом, на худой конец царем. С Вашим-то опытом надоев резко бы возросли и мы наконец-то восстановили бы наше западающее хозяйство.

3. Ну вот, теперь Вы всё про меня знаете, знаете как облупленного, никакой интриги.

МОСКВА: Доброе утро!!

«Предупреждать надо» – можно хоть отчество Ваше узнать?! А то неудобно как-то, к ПЕРВОМУ претенденту в цари и по имени, хорошо хоть на «ТЫ» не успела перейти, а может быть уже и пора. Чтобы царство было в порядке, каждому царю нужны свои Меншиковы, а у нас одни Большевики. Так или иначе, все они родом оттуда, из красного прошлого. Оттого нет покоя в покоях царских. Все больше и больше, все под себя, грехи и богатство – в одну кучу. И вот уже вчерашние коммунисты-атеисты потянулись к церкви. Опять же не за раскаянием, а токмо обратить верующих в верных подданных. Собрать электорат. Верили, верили в коммунизм – и вдруг прозрели, увидели Бога, признали и решили купить, чтобы работал на них.

Прям с лёту перед глазами побежали кадры фильма «Свинарка и пастух» про светлое будущее Совхозов и Колхозов.

P. S. Если вы по личному, то первым уже не получится.

2. Вот и нет! У меня, конечно, всё хорошо с воображением и интуицией, я думаю, даже слишком хорошо, но если я знаю

Вас как облупленного, то я со своей откровенностью агент 007 в юбке или даже Мата Хари.

НЬЮ-ЙОРК: Добрый вечер, Москва! После таких речей хочется назвать Москва Златоглавая. Как же ты умна, как же они тупы, не понимают простой вещи: родник изобилия – он внутри, на глубине себя, его просто надо откопать.

P. S. Тогда нескромный нетактичный вопрос. А последний когда был?

Отчеств здесь нет. Отечество осталось где-то там. Поэтому, видимо, и в 60 лет буду Йориком.

Я хорошо с автопарком вашей красной машиной. Салон как у «феррари», там всего два места. Остальные ищут свое место в жизни на обочине, машут вслед и кричат «Ура!».

Какая красота, пасторальная! «А пастушок такой молоденький-молоденький».

3. Лучше – Мата Хари, но она, по-моему, плохо кончила.

МОСКВА: Я, конечно, пошутила, почему-то думала, что Вы отшутитесь. Значит, Вам от 40 до 60... так-так-так??!

Слово незнакомое, стыдно, а Вы говорите – начитанность... пойду к маме)))

3. Мне это не светит, я же говорю – интуиция, да и учителя были хорошие.

4. Вот вы там какой год живете? А говорите уже с вашей красной машиной. Красная машина на коробке передач, а пора бы уже завести автомат.

P.S. Заходил 3 месяца 22 дня 12 часов назад.

23 СЕНТЯБРЯ

НЬЮ-ЙОРК: Ну что ж, теперь можно заняться и творчеством. Перейдем к более приятным делам.

1. Какие шутки с таким отчеством?! Огромное наследство из букв. Это лучшее, что мне осталось от отца. Нет наследства – нет букв. Здесь на Бродвее Соединенных Штатов отчество мое всем до лампочки, как и религия, и национальность. Видимо, последствия сексуальной революции 70-х.

2. Без тени кокетства: а почему от 40? Наверно, сам проболтался. «Болтун – находка для шпиона». 38! По шкале Ильфа и Петрова.

3. Москва! Какие Ваши годы! В мире еще столько незнакомых и красивых слов, всё впереди.

4. У нас здесь тоже многие ящик смотрят, сидят на любимых передачах, хотя автомат завести – плевое дело. Демократия. Только успевай перезаряжать.

P. S. Отвечаете как ВКонтакте... заходил столько-то минут назад.

МОСКВА: Да, да, давайте о приятном.

1. Пусть тренируются, вы им фундук в скорлупе и книжку со скороговорками порекомендуйте. Сексуальные революции самые гуманные – без кровопролитий, без кастовых разногласий, без виселиц.

2.1. Да-да, это Ильф и Петров проболтались!

2.2. Как свидетельствуют цифры сухой статистики за последние 11,5 лет... писала, писала и запуталась... уф... Из практики следует, что вы должны быть старше меня минимум на 10 лет. Вот.

2.3. Спишите это на мою молодость и нетерпеливость, но давайте уже подойдём к конкретике, а то 40–60 очень уж большой интервал.

3. Обнадёжили!!!

4. Ящик я не смотрю. Времени нет. Хотя вру, иногда западаю, когда хочется совсем уйти в диван.

Я иногда вообще удивляюсь, как у Вас терпения хватает по 7 (СЕМЬ) раз перечитывать мои изречения.

P. S. Контакт и есть контакт. Только не спрашивайте меня, как зовут последнего.

НЬЮ-ЙОРК: И еще раз о приятном.

1. Веселится и гуляет весь народ. В сексуальной свободе

заложен мощный творческий потенциал. Наукой доказано: чем больше ее – тем изящнее искусство.

Сразу перехожу к п. 2.3. Дождался! У меня всё по 45 – и обувь, и возраст. Так что мне 45 – и я фрукт опять.

4. Прошу заметить: по 7 (СЕМЬ) раз перечитывать Ваши изречения – это не испытывать собственное терпение, а погружаться в мир высокого штиля и мудрости.

P.S. А последнего я, кажется, знаю.

МОСКВА: Отпустило и полегчало, а то я думала, что докатилась, извините – доросла в свои от 30 до 60... подробности в следующем письме.

2.3. Часто кажется – вот моя половинка, но стоит только надкусить, понимаешь – тот еще фрукт.

P. S. Какой вы пряткий.

НЬЮ-ЙОРК: Я скорее терпкий. Что-то среднее между антоновкой и симиренко. А вы дичка. Так мне кажется.

Даже обидно стало за ту группу людей, в которой мы все когда-то будем. Кто-то (я) раньше, кто-то (Вы) позже. Как будто бы мы таким занимаемся... Что ни в сказке сказать, ни вслух произнести.

Мы с Вами занимаемся – имелось в виду.

МОСКВА: Вы меня не так поняли, к слову: моя бабушка, которой 85, живет полноценнее, чем некоторые в 18 лет.

Наверное, дичка, а так хотелось бы быть манго, папайя, в крайнем случае авокадо.

НЬЮ-ЙОРК, добро пожаловать в 21 век – уже месяц занимаемся МЫ именно «тем, что ни в сказке сказать, ни вслух произнести», если бы Вы примчались ко мне с бутылкой рома при первом же моем предложении и мы «обновили» комнату 214, разбежались и приступили к следующему экземпляру – вот это было бы в духе времени. БРРРРР. Противно. Нельзя о таком на ночь глядя.

Кстати, авокадо, по-испански адвокат.

О приятном попозже.

МОСКВА: Ну вот теперь на ночь глядя о приятном.

Я? С бутылкой рома? В ночи? К незнакомому мужчине? Если только с брачным контрактом в придачу. Раз уж я адвокат.

1. Хорошо, будете теперяче злым, но благородным и жалостливым Подрядчиком.

2.3. Дождалась! Приятно познакомиться, Москва 29,5 + 5,5, и я еще та ягодка с рождения – пусть нескладно, зато правда.

4. Спасибо, я прям Тортиллой себя почувствовала... ой,

Йорик надо прекращать эти вечерние фантазии, а то мое воображение уже рисует Вас в виде Буратино...

Спокойной ночи... Доброго утра!

25 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Эх вы, ну выдавили бы из себя хоть капельку юмора, чес слово.

НЬЮ-ЙОРК: Добрый день, Москва Златоглавая!

1. Прошу прощения за молчаливость. «Видите ли, Милочка, Костик несколько занят. Он принимает душ!»

2. Наш красавец-мужчина О. Пекин будет у Ваших ног вместе с документами то ли завтра, то ли в понедельник, то бишь 29 сентября.

МОСКВА: 1. А я, а я... я тогда пойду приму ванну и выпью чашечку кофа, а потом до кучи еще и какава с чаем.

2. К моему глубокому сожалению, запись на прием к моим ногам уже закончена, ноги секретаря, думаю, будут свободны.

МОСКВА: Добрый вечер!

Пож-та, давайте обойдемся без «Златоглавой», а то каж-

дый раз при прочтении своих И.О. чувствую себя героиней фильма.

НЬЮ-ЙОРК: Добрый вечер, Мося!

Вот-вот. Хочется свершить для вас что-нибудь героическое. Прямо дрожь по коже.

1. Завидую белой завистью.

2. Бедный О. Пекин, надеялся упасть к стройным девичьим ногам, а теперь придется...

3. Нашим шефам прислали приглашения на вашу большую тусовку. Вот она – слава! Я так понимаю, там нашего красавца-мужчину О. Пекина будут славить и восхвалять за его каторжный труд.

МОСКВА: Поступай как знаешь, поступок это важно. С чего же дрожь?

1. Сама завидую своей безудержной фантазии.

2. Я уверена: горячий, кавказский мужчина О. Пекин пэрэживет.

3. Я-то ожидала только «цыган с медведями», а тут помимо Барина еще и други его пожалуют, спасибо, НЬЮ-ЙОРК, что предупредили, значит, форма одежды праздничная чадра.

НЬЮ-ЙОРК: Вдрагиваю я по следующей причине. Некоторые люди с молодых ногтей являются с отчествами, а некоторые и в 60 лет – Йориками. Хотя самые близкие зовут меня Готэм, но мне больше по вкусу Big Apple.

2. Вы ничего не путаете? Мне кажется, О. Пекин с Востока, из Поднебесной. Всё равно жалко его. Никакого эстетического удовольствия.

3. Думается мне, что другом Вашего Барина и будет наш замечательный, горячий кавказский парень.

МОСКВА: Готэм мне нравится больше. Что-то в этом есть. И яблоки я тоже люблю. Заинтриговали. Почему Готэм?

НЬЮ-ЙОРК: Все очень просто. Это прозвища Нью-Йорка.

* * *

– Дворцовый переворот, – смотрел на фотографию Зимнего дворца, отражающегося в Неве, Кирилл.

– Думаешь, это возможно? А мне просто вид понравился.

– Ну, ты же видишь. Возможно все, еще как возможно. А некоторые виды, – посмотрел с улыбкой на Мифу Кирилл, – даже не заметят, потому что в этот момент будут снимать.

Только позже, пересматривая видео, заметят неладное. Шу-чу. Только не говори мне, что ничего не видишь.

– Вижу – вилами по воде написано. Но выглядит впечатляюще.

– Зрение давно проверял? – посмотрел в его глаза Кирилл.

– Проверял. Хочу сделать коррекцию глаз.

– Может, сначала бровей? Может, в этой чаше все дело, – усмехнулся Кирилл. – С одной стороны, брови – признак мудрости, но с другой – лезут в глаза и мешают видеть очевидное.

– Завидуешь моим густым бровям, – борясь с силой воли, все-таки не удержался поправить бровь Мефодий.

– Нет, тебя по ним легче читать. Ты как на бумаге. Когда-то был А4, теперь уже А3, – рассмеялся Кирилл.

– Это жизнь, – только это нашел в ответ Мифа.

– Да, ладно тебе, не обижайся. А насчет бровей подумай, модная тема.

– Жизнь – модная тема, а брови – это напускное, временное.

– Я и говорю, что отвечают за настроение. Что касается жизни... Жизнь проходит... Поздоровайся хотя бы ради приличия.

– Так вот я и хочу. Короче, ты добряешь коррекцию? – повторил Мефодий.

– У меня приятель один сделал коррекцию зрения. Сначала восторг, впечатления. Потом начал замечать пыль по

углам, жену...

– Значит, не зря сделал, жену стал замечать, – улыбнулся Мефодий.

– Ты не дал мне договорить... жену обнаружил другой. «Я не думал, что она такая старая». Это он в шутку так говорил. Но в каждой семейной шутке есть доля брака.

– Вот эта картинка мне понравилась, – показал еще одну картинку Мефодий.

– Похоже на семафор какой-то, скорее даже светофор.

– Да, остановил все олимпийское движение в правом полушарии. Ты переверни картинку. Название соответствует.

Мефодий прочитал то, что не заметил с первого взгляда – «Мудко».

– Наречие?

– Уе, – протянул словно рэпер Кирилл. – Диагноз. Синдром Мудко.

– Ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Уже эпидемия в кабмине, но официально пока не объявили, закрывают по одному в стационаре. Дезинфекцию нужно делать в кабинете. Проблема в том, что лечиться министры не хотят. Это и понятно: как человек, который сам всех лечит, может признать себя больным?

* * *

Погода стояла неважная. Дождь был неудержим. Он па-

дал. Погода устанавливалась, а он падал. И так несколько раз подряд.

– Какой фотогеничный край. Что ни место – то пейзаж. А почему в этом месте столько народу? – вытерев вилку салфеткой, махнул в сторону Кирилл. – Что будешь?

– Так это же Поднебесная. Все хотят быть ближе к раю. Может, краба?

– У всех точно не получится. Давай краба.

– Главное – верить, – протянул Кириллу своего краба Мефодий.

– Главное – верить себе. Верь себе, по крайней мере точно будешь знать, обманывают тебя или нет.

К столику подошел официант.

– Ты боишься?

– Я? – вздрогнул он. – Да, есть немного.

– Я не тебе. Тебе вот что: крабов нам принеси.

– Камчатских?

– А разве есть еще какие-то? – посмотрел на официанта

Кирилл взглядом отечественного производителя.

Тот снова вздрогнул:

– Красные, синие, японские, сухопутные.

– Все боятся, никому нельзя доверять, предадут, обманут.

Не хочу в один прекрасный день остаться один. Давай наших.

– Чем будем запивать?

– Как обычно, святым духом. Дух можно сразу, – отпустил

официанта Кирилл.

– Что значит – один?

– В одиночестве, – вдруг погрузился Кирилл. – Мое отчество – одиночество, мое отчество – одиночество, – повторил он вслух дважды.

– А как понять, одинок ты или нет?

– Есть такой тест. Вытяни дома вечером руки, если они не нащупали никого, значит, ты одинок.

– Это из серии: хочешь быть ближе – обними. Иногда по вечерам я чувствую себя страшно одиноко, – посмотрел на только что выловленного и поданного к столу камчатского краба Мефодий. Тот все еще недоумевал, почему говорят на русском, а не на японском.

– Этот точно кого-нибудь, да нащупает, – поднял одну из клешней краба Кирилл. – Тебе это ничего не напоминает?

– Что именно?

– Курильская гряда. До Японии клешней подать, – засмеялся своему остроумию Кирилл и положил клешню обратно на стол. – Теперь понимаешь, почему я краба заказал? Сегодня не время ежовых рукавиц; чтобы не остаться в одиночестве, теперь необходимо научиться давать краба. История – великий учитель, если сидеть за первой партой. Вспомни предыдущий экипаж – негибная воля и корпус стальной.

– Говорил я тебе – надо было делать из нержавеющей стали. Уверен – матрица не дала бы такой коррозии.

– Ерунду говоришь. Как можно одолеть войну с фамилией

Нержаве́йкин?! Во всем виноваты поделщики, один в людей играл, как в бирюльки, другой даже спать ложился в ежовых рукавицах.

По глазам Мефодия было видно, как он начал усиленно листать учебник истории за 8-й класс, пытаясь разминировать метафоры, заложенные Кириллом.

– Не дрейфь! Даже если дрейфуешь на льдине, Мифа, – так всякий раз называл Мефодия Кирилл, когда настроение его поднималось.

– Что значит – дрейфуешь? – не понял юмора Мефодий. – Что значит на льдине? – затрещал под ним стул.

– Ледниковый период начинается, – еще громче рассмеялся Кирилл. – Не чувствуешь? – Мы айсберги в океане непонимания. Забей. Просто игра слов.

– Игра слов. «В начале было слово», потом два, а потом придумали в них играть. Все непонятки в мире от этих игр.

– Относись к этому беззаветно, – отломал клешню краба Кирилл, понюхал и блаженно прикрыл глаза. – Морем пахнет. Ты знаешь, что у краба десять ног? Теперь я понимаю, почему на Востоке здороваются двумя руками. Вот что значит дать краба. Не полукраба, как у нас, а целого, настоящего. Оттого и договоры у них крепче. За отломанную клешню не волнуйся, на ее месте вырастет еще. Новее и крепче!

– Не нравится мне твоя логика, – пододвинул Мифа стул ближе к столу.

– Ты про краба? – посмотрел в благодарные глаза члени-

стоногого Кирилл.

– Я про льдину.

– Знаешь, у меня друг недавно ушел, – отодвинул от себя клешню краба и запил святым духом Кирилл.

– Совсем? – тоже перевел дух Мефодий.

– Нет, на полтора года в Антарктику, – сделал еще глоток Кирилл. – В научно-исследовательскую экспедицию.

– Опять ледниковый период. Долго. За полтора года можно столько дров нарубить.

– Дрова в Сибири. В Антарктике только пингвины и снег. Абсолютная чистота.

– Я бы сказал – мерзлота. Хочешь начать с чистого листа? – намекнул на кипу бумаги в кабинете Мефодий.

– Как только с делами покончим, – понял его Кирилл.

– Дела никогда не закончатся. Каждый день – новое.

– А ты как хотел? Стоит только закрыть дело – сразу почувствуешь старость и одиночество.

– Без дела до тебя никому нет дела, – согласился с опасениями Мефодий. – Снова мы возвращаемся к одиночеству. Одиночество – это заказ времени. Раньше сбивались по двое из экономии, сейчас человеку уже незачем экономить: за тепло отвечает центральное отопление, за свет – просвещение, за влечение отвечает развлечение. Сейчас даже валюта у каждого своя. Дашь – Недашь, Веришь – Неверишь, Возьмут – Невозьмут. Мой тебе совет: делай добрые дела, тебе зачтется. Добывай криптовалюту, она единственная, ко-

торая в ходу на том свете, – улыбнулся Кирилл на полном серьезе.

– А я что, не делаю? – достал из-за пазухи сложенный листок Мефодий. Разложил, будто спальное кресло на столе: – Читай.

Напротив дома была огромная яма, которую я все не решился засыпать, и вот однажды машина, груженная песком, свалилась в кювет. Чтобы ее вытащить, песок пришлось разгрузить. Яма исчезла сама собой.

– Ты такой ерундой занимаешься. Плотским, не пора ли подумать о душе?

– Если кто-то торгует войной, я подумал: почему бы не торгануть миром? – Неожиданно лицо Мефодия покраснело в говядину. Тема мяса задела его за живое. – Всем миром, – по-дурацки рассмеялся он.

– Хорошая инициатива. Только давай без фарша, без котлеток. Не будем мешать все в одну кучу. В общем, я не о личном, я о духовном.

– Да кто захочет думать о духовном на пустой желудок? Это называется материализация. Это вчера нужно было хлеба и зрелищ, а сегодня мяса и чуда. Людям необходимо чудо. Надежда на чудо. Иначе так и будут стоять закрытыми. Как фасады, скрытые картоном, за картоном постоянный ремонт.

– А чей дом-то был? – снова вспомнил о письме Кирилл.

– Не знаю. В зале цвели лотосы. Это меня и подкупило.

Йоги хотя бы мышечно тянутся к духовному, – налил себе еще духа Мефодий. Краб, чувствуя себя лишним, начал медленно сползать с блюда. Длинные клешни цеплялись за ножки стола, потом стульев.

– Добрые дела, значит? А наши стоят, – провожал взглядом краба Кирилл.

– Я даю людям надежду на чудо.

– На кухню пошел, обратно. Конечно, там теплее, чем в Тихом океане. И спокойнее. Японские рыбаки не достанут. – В этом момент поезд качнуло. – О, слышат, 3 балла, не более. Чувствуешь толчок? Земля на толчке, – снова разразился смехом Кирилл. Крепость духа ударила ему в голову. Юмор его крепчал с каждой минутой. – Вулканы выбрасывают пепел. Вот где чудо, Мифа. Не надо его придумывать. За нас уже все чудеса давно придуманы. И хватит демагогии, надеждами занимается Эсперанца. Пусть она сама разбирается со своими делами. Или она не справляется? – снова вспомнил стареющую Надежду Кирилл.

– Справляется, – усмехнулся чему-то про себя Мифа, но озвучивать не стал. «А когда у надежды застой, это уже не надежда, это уже безнадега». – Ну вот одно из писем:

Все мне подсказывало, что сегодня не надо кататься. Сначала две «скорых» на склоне. Потом трасса была закрыта под соревнования, я ждал пока она откроется. Только я собрался скатиться, приходит смс-ка, что не хотели бы вы пройти реабилитацию в нашем прекрасном санатории.

Значит, вопрос с разрывом ахилла был решен заранее. Кто-то меня вел, подсказывал.

– Это все тот же с ямой?

– Ну да.

– Я же ему специально ахилл порвал, чтобы яму закопали, прежде чем он туда загремит.

– Что это значит? Значит, люди разучились слышать.

– А когда им слышать? Им некогда.

– Потому что они занимаются той же ерундой, что и ты.

– Они боятся.

– Как и я, как и ты. – Кирилл увидел в глубине вагона-столовой повара-японца, который тащил обратно вырывающегося из рук краба. Краб брыкался. Удары его клешней о пол напоминали игру на тарелочках. Японец планомерно добивал его половником по тыкве. Тыква у краба была, что на Хеллоуин, красная и твердая, с прорезями для глаз. – Самое мощное оружие – это страх.

– Страх сдерживает людей, поэтому людей держат в страхе. Те страхуются. Они берут ипотеки под те самые стены, которые должны их защитить, но стены эти и есть тот самый страх, в котором их держат. Люди заложники. Вот почитай:

Мужчина, который вечером в среду ворвался в банк с оружием. Четырех клиентов и двух кассиров преступник захватил в заложники. В руках у него действительно был предмет, похожий на взрывчатку. В итоге грабитель был убит, им оказался клиент этого банка, взявший ипотеку.

– Понимаешь цепочку? В конечном итоге оказывается, что это банк берет людей в заложники. А те только пытаются сопротивляться его же методами. – Мифа тоже оглянулся, услышав, как японец ругался на своем, подтаскивая краба к столу. – Вчера они боялись летать, завтра – гулять по улице, послезавтра – выходить из дома.

– Это временно, – покачал отрицательно головой повару Кирилл. Японец понял без слов и поволок краба обратно на кухню. – Когда-то им надоест в этих рамках, ходить сквозь них, будто так и положено. Демократия погрязла в металлоискателях. Звоночки тут и там, страх заставляет сбиваться людей в толпу, и вот ей уже не страшно – теперь она самое страшное оружие.

* * *

26 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Доброе утро, Готем! Нет, все же мне больше нравится Йорик.

Не смогла удержаться очень актуально – принимать 1–3 раза в день.

Как-то Вы мне сказали: «Все в этой жизни когда-то бывает в первый раз», вот и настал в Вашей беспорочной жизни этот светлый момент... хотя я Вас понимаю – с младых

ногтей склоняли и уменьшительно ласкали мои И и Ф, как хотели, но сейчас я уже Москва без всяких сюси-пусси, над Златоглавой пока работаю. Так как вас на самом деле?

2. Думается мне, за 3 дня на местном курорте «Валдай» он обязательно удовлетворит свое эстетическое удовольствие.

3. Тогда точно удовлетворит и удовлетворят... про самого Барина лучше промолчу, т. к. за глаза либо хорошо, либо ничего, а Барина в глаза я не видела и не имела возможности выразить благодарность за созерцание, декларирую коротко – надо Хозяином быть, а он истинный Барин.

НЬЮ-ЙОРК: Московушка!

1. Уж очень мне понравилось это новое для меня произношение Вашего имени. Автор сего мне не известен, какой-то юный ловелас, написавший, как это модно сейчас, на асфальте поздравление с д.р. вашей тётке.

2. А вот по поводу еще той ягодки с рождения – полностью согласен, Вы – та еще клубничка. Меня зовут Данила. А вас, я уверен, Софья.

3. Желаю замечательно провести выходные, а также понедельник, в праздничной чадре.

Эх, хоть бы одним глазком взглянуть на это восхитительное зрелище. Вы – в праздничной чадре.

МОСКВА: Уже и не чаяла получить на ночь глядя положенную порцию витамина «Д». Очень приятно.

1. Милота-та какая! Московушка!!! Повезло тезде. Ловелас с фантазией попался. Но как вы узнали, что Софья?

2. Я же говорю: учителя были «ого-го», да и с кукольной внешностью выбирать не приходится: либо в любовницы, либо уметь держать пионерское расстояние, периодически вкл. «дуру» и быть еще той ягодкой. Вооружена и очень опасна.

3. Из п. 2 вытекает, что я не посещаю разного рода празднества, дабы избежать проблем на работе и вообще с ГД.

Под праздничной чадрой имелся в виду неброский наряд – ботинки, джинсы, свитер, пиджак. Но Данила!!! Для Вас исключительно и персонально для Вашего беспорочного взора могу прихватить из дома пододеяльник на Ваш выбор:

- а) розовый в «огурцах»
- б) красный в «хохломе»
- в) в клеточку с Молнией МакКвином
- г) голубой с «котятками»
- д) привезете свой.

4. А почему же одним, Данечка?! Я, конечно, могу мягко послать в нужном направлении, но чтоб глаз выбивать – такого я себе еще не позволяла.

И Вам хороших выходных, и одевайтесь потеплее, а то я

как-то расклеиваться начинаю, и все из-за обманчивой погоды и легкой формы одежды дамы тяжелого поведения.

НЬЮ-ЙОРК: Вы забываете, что я из разведки. На самом деле, все просто, как четыре копейки, хватило рассказа про Софью Ковалевскую.

МОСКВА: Вот как. А вы внимательный. Люблю внимательных мужчин. Точнее, хочу любить, но все еще не встретила, а пора бы, а нужно бы. Хотя я никогда не знаю, что мне нужно.

НЬЮ-ЙОРК: Ты знаешь, что тебе нужно?

МОСКВА: Нет.

НЬЮ-ЙОРК: Тебе нужен тот, кто знает.

МОСКВА: Теперь точно не усну. Слишком передоз витамина «Данила».

НЬЮ-ЙОРК: MOSKOW never sleeps. Тем более у меня все еще день.

29 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Данила! Добрый день. Хотя вру. Спать хочется.

НЬЮ-ЙОРК: Ваша правда. Погода такая серая, что все время хочется спать, с тобой, на ярких простынях.

МОСКВА: Ого, Даня, вот чего не хватало, чтобы проснуться. Предложения.

МОСКВА: Добрый вечер, Данила. Чувствую, Даня вам не очень нравится. Подняли меня, мое настроение, потом замолчали на целый день. Видимо, дела.

На чем я остановилась, умеете Вы настроение поднять, прям волшебник – я же в 18 думала – вырвусь из отчего дома, остригу русу косу и покрашусь в какой-нить кислотный цвет, одевалась я в самом деле «по-попугайски» – знакомые ласково называли Радужкой, но до волос руки не дошли, думаю, все впереди – в 60 буду с внуками на одной волне – обстригусь, волосы в рыжий цвет покрашу, татуху набью себе, открою магазинчик для души с вещицами ручной работы или в библиотекари пойду работать.

НЬЮ-ЙОРК: Класс! А волосы желательно покрасить в фиолетовый цвет и... – в библиотекари. Я тоже в универе был «законодателем» мод. Я тогда еще в Москве жил. На волне моды на СССР, Ленина, перестройки и т. д. В общем, имидж у меня был такой: джинсы, дядькино пальто с приколотым на лацкан значком Ленина и кепка с околышком и лакированным козырьком. А в околышке – звезда горит. То бишь солдатскую звездочку вмонтировал. Несколько раз в метро в те годы встречал последователей такого наряда. А всё от отсутствия денег, возможности купить что-то и естественного желания выпендриться. В руках обязательно затертый пакет с «Аббой» или «Бони ЭМ». Пакеты никто не

выбрасывал, они долго ходили по рукам. Их затаскивали до дыр, а потом еще можно было загнать за какие-то деньги. И ушитые в обтяжку штаны. Благо дома у мамы была швейная машинка, такая с педалями, я руку набил и всех своих дружанов обшивал, кому лейбл фирменный, кому ушить.

МОСКВА: Отсутствие денег и желание выпендрица пробуждало смекалку и фантазию!!! Вы представляете – во всей Москве вас было трое!!! И у Вас были джинсы!!!

Пыталась сопоставить, в чем я ходила в те годы... счастливое детство было!!! Козы, бычок Мишка, собака Черныш, и, может, я и донашивала вещи за братом, но была счастлива, гоняла с пацанами в футбол, бегала босиком по снегу, а знаете, какой вкусный чай из только что собранных луговых трав, заваренный в котелке на костре, и хлеб с салом!..

МОСКВА: Упс!!! Отправила случайно, и мысль не закончила, и орфографию не проверила... стыдно... читать читаю, но правописание мое это не улучшает.

НЬЮ-ЙОРК: «Oops! I did it again!»

Сонечка! Не переживайте, не ошибается тот, кто ничего не пишет. Ошибаясь, мы приобретаем опыт, дорого, конечно, но зато сразу в собственность и с правом наследования.

У Вас, видимо, как у того Ленина со значка, словам тесно, а мыслям просторно. Хочется побыстрее выразить на-

хлынувшие мысли.

Вы даже не представляете себе, как приятно прийти домой, отрезать арбуза и погрузиться в наслаждение от чтения Вашего творчества.

Вот уже и на меня нахлынули воспоминания. Батон белого хлеба, слой масла и варенье или мёд, вот оно – пирожное, вот она – вкуснотища! А суп из пакета, сваренный в котелке с пацанами на рыбалке...

30 СЕНТЯБРЯ

МОСКВА: Доброе утро, Данила!

СЧАСТЛИВЫЕ мы с вами люди, КАКОЕ ДЕТСТВО!!!

Арбуз!!! Это ещё более раннее детство и ещё более счастливое – Узбекистан – город Самарканд – ул. Ленина – дом не помню; военный городок в два дома; во дворе айва, которую мы съедали ещё зеленой; самса по 1 рублю с пылу с жару; арбуз с лепёшкой у отца в мастерской...

НЬЮ-ЙОРК: Перестань, Софа. Щас расплачусь, как тот грузинский еврей из «Мимино», прямо в трубку.

Арбузы!! По выходным мы с пацанами ходили подработать на рынок. Туда приезжали фуры с арбузами из Узбекистана и Астрахани. Сладкие, как мёд. Мы их разгружали. Заработаем что-то, еще и арбузов прихватим. Праздник! Дар-

мовые – они еще слаще.

МОСКВА: В детстве, наверное, всегда так – деревья выше, помыслы чище, ощущаешь всё более остро и живее; больно – значит, плачешь, смешно – смеёшься, обидели тебя или друга – дерёшься, и плевать, что скажут окружающие, и нет страха, страха того, что тебя предадут.

А сейчас взрослые вроде люди, физически сильные (некоторые даже в тренажёрку ходят), умом не глупые, а боимся, боимся сказать правду – родному человеку, начальнику, другу, боимся даже чувствовать, и вот это страшно, это мнимое чувство «силы» – я держу всё под контролем, я принимаю решение, я... я... я и нет предлога «мы», ведь так проще...

НЬЮ-ЙОРК: Все так, Соня. Именно поэтому мы частенько на «вы». «Вы» – та самая безопасная дистанция.

МОСКВА: Данила! Вы извините, что я о грустном, но «незнакомому» человеку, наверное, легче выговориться, сейчас период просто такой переломный, так сказать, когда наступает предел прочности и ломаться никак нельзя, в крайности впадать уже хватит и права на ошибку нет, а это сложно для человека, у которого первое слово было не «мама» или «папа», а «я сама», и в свои 29,5 надо учиться быть слабой, ну и далее, как в том эссе «про женскую силу».

Буду благодарна за анекдот, а то я, как всегда, начала за здоровье, а закончила за то самое.

12.00

Словно пароходы у порта, фабрики и заводы коптели небо. Трубы жадно курили вейп. В общественных местах курить запретили. Когда же люди поймут, что атмосфера – это тоже общественное место? Пойми они это, перестали бы травить друг друга. Миру стало бы легче дышать.

Вонючая парадная Волоколамского шоссе. «Надо было садиться в Домодедово и заходить с Каширы». От свалки несло вороньем и мусором. Запах распада был тлетворный, будто завалили кого и, пытаясь похоронить, так и не смогли закопать как следует. Стоило только зевнуть, как за лесом потянулись бесконечные спальные районы, будто долгая прихожая коммунальной квартиры, забитая всяким плановым хламом по пути к кухне, гостиной, по пути к центру. Немного фонило от Митино, куда собирали ворованный металл и электронику со всех заводов, запазух, карманов и фабрик. Еще несколько взмахов и – МКАД.

Наконец-то Третье кольцо, этот брак по расчету Москве был необходим как воздух. Хоть как-то облегчить ее жизнь, избавить от бытовухи, привести себя в чувства. Точнее сказать – то, что от них осталось. Петропаша вспомнил все ее кольца. Первое – Садовое, когда замуж выходишь по глупости, второе – Бульварное, по любви. Пожалуй, это путеше-

ствие по Бульварному кольцу самое романтическое из всех. Петропаша невольно пролетел над бульварами: Гоголевский, Никитский, Тверской, Страстной... Сколько страсти было в этих прогулках, сколько зеленой листвы, исписанной стихами и смс-ками, сколько асфальта, вымощенного поцелуями... Бульварное кольцо с высоты вовсе не было кольцом, а скорее подковой на счастье, оброненной у Москвы-реки.

С высоты полета он узнал Большую Ордынку; едва стал снижаться, как ветер начал сносить его на Восток, в сторону Золотой Орды, лишь усилием воли ему удалось сдержать порыв, зацепившись за историю, за память архитектуры 18 века; он присел на перила Москворецкого моста, выиграть время, перевести дух. «С одной стороны – Орда Золотая, с другой – всякий кредит рано или поздно становится данью. С одной стороны – Большой Москворецкий мост, с другой – сталинские высотки. Семь Саград одной железной Фамилии. Их должно было быть 8, но Сталин умер, и восьмая стала Россией. Будто подпись под вечными недостроенностью, неустроенностью, неприкаянностью. Гостиница не прижилась и была снесена. Как обычно там, где не получилось ничего, – разбили сад. «Ни хрена не могут, пока лично не проконтролируешь», – любовался Зарядьем ангел. Поправил крылья и, перелетев через мост, оказался у проходной Кремля, у главной его башни. Сделал пару взмахов и уже через пару мгновений сидел на звезде. Рубин был теплым, от лампы, что светила внутри звезды.

* * *

НЬЮ-ЙОРК: Доброе день, Софья! Если у вас все еще день. Не это важно.

Да, порой чувство такта так превалирует, что от нас несет равнодушием.

Не устаю поражаться Вашему богатому внутреннему миру, умению писать такие проникновенные эссе. Мало в наше время людей, умеющих так развернуто и интересно излагать свои мысли. Меня давно интересует, как вообще проходят мыслительные процессы в головах некоторых людей, скажем так, неинтеллектуалов. По поводу этих неинтеллектуалов свой вариант психолога:

– Вы в своем уме?

– Нет, в вашем. Вы же сами этого так хотели.

Ностальгия:

А помнишь... На 99,9 процента совпадает с моим детством.

МОСКВА: Благодаря Вам купила сегодня арбуз!!! Сын в восторге, это наш первый арбуз в этом году, мне сказали, что астраханский)))

Ностальгия!!! И я тоже на 99 % обладательница этого счастливого, беззаботного детства, вот только фуры не разгружала, макулатуру не сдавала, мы бутылки с братом сдавали. И кстати, именно ради того, чтобы подарить сыну хоть кусочек этого «нашего с вами детства», я и приняла решение уехать из Москвы, и Вы знаете, частично мне это удастся!!!

МОСКВА: Опять ошибки, извините, Даня.

Кому он сейчас нужен – этот богатый внутренний мир?! «Надо быть проще, и люди к тебе потянутся» – это любимые слова моего папы.

В анекдоте – это про моего одного коллегу, он очень хороший, и пусть он думает, что г. Спарта был в Риме, но свое дело он знает на 10 из 10, и не надо искать в их головах того, чего там нет, у них все гораздо проще: они и в гору не пойдут, и обходить ее не будут, они либо пробьют эту гору насквозь, либо умрут от потери крови и переломов.

НЬЮ-ЙОРК: 1. Надо быть проще – и руки к тебе потянутся.

2. Только не надо кровопролитий. Сонечка, вас так и тянет в сторону революции. Пустую голову так легко чем-то занять.

МОСКВА: 1. Вспомнилось из одесского жаргона: «Убе-

рите свои грабки».

2. А может, она давно уже занята пустотой.

НЬЮ-ЙОРК: 1. Убираю. Буду искать тепло в карманах.

1.1. Вы всегда такая сложная?

2. Может, еще как может. Особенно если это имя персонажа, как у Пелевина.

1 ОКТЯБРЯ

МОСКВА: 1. Даня, не надо в карманы. Жизнь-то налаживайте. Я жду))

1.1. Только когда пытаюсь быть проще. Как стать проще? Вот в чем секрет.

2. Мне сказали очень мудрую мысль: «Хватит, Сонечка, рыпаться, всё, что суждено, произойдёт, и не оттягивай момент встречи с прекрасным», – поэтому предлагаю открыть новую, более оптимистичную тему для разговора, а то я что-то всё о себе и о своих скелетах в шкафу.

НЬЮ-ЙОРК: Соня!

1. Для вас где угодно и когда угодно.

1.1. Хочешь быть проще – научись прощать.

2. Хорошо, когда есть рядом мудрые люди.

3. Прошу прощения за недолгий разговор, хотелось бы и подольше с Вами побеседовать, но сегодня д.р. у коллеги, так

что сели за стол в час дня и... понеслось по бокалам да по розеточкам.

4. Жизнь смешна и удивительна! Она смеется над нами постоянно. Каждую минуту. А мы все чаще говорим ей: «Не смешно».

МОСКВА: 1. Как Вы умеете обходить все острые углы, НЬЮ-ЙОРК, никак не могу Вас раскусить)))

1.1. Я бы простила, но очень хочется отомстить.

2. Благодаря мобильной связи мудрые люди и в самом деле становятся ближе.

3. Пойду выпью чашечку кофе за здоровье Вашего коллеги.

4. А еще прекрасна и непредсказуема!!! Она подсказывает нам постоянно. А мы не слышим, мы боимся, что нас выгонят с экзамена за подсказку.

НЬЮ-ЙОРК: 1. Эх, если бы я умел обходить острые углы... «Данила – ты не дипломат!» А вот насчет попыток с Вашей стороны раскусить меня... Не заметил.

3. Это она. Как я назвал ее в собственном тосте – «звезда сметного отдела».

4. Вы.

МОСКВА: 1. Данила – не дипломат, Данила – мастер. Вы знаете, я ТАК сегодня отчехвостила начальника отд. кадров и в очень деликатной форме опустила ГД, что мне даже стыд-

но, давно я себе такого не позволяла, искренне надеюсь, что Вы меня не переплюнули.

1.1. Ну знаете ли, Даня!!! Я вообще никого ранее не раскусывала!!! Все как-то сами расчпокивались...

3. Ну в ТАКОМ случае, пойду выпью чашку зеленого чая с пирогом собственноручного приготовления за очаровательную «звезду сметного отдела».

4. А также – неповторима...

5. Завтра иду на собеседование.

5. А Вы знаете, я почему-то даже не удивлен. Удачи!!!

Еще раз убеждаюсь – жизнь прекрасна и убедительна. А в настоящее время самое убедительное для меня – это Вы – абсолютное несоответствие такого нежного, доброго голоса и такого жесткого, решительного характера.

Еще раз желаю удачи!

МОСКВА: 5. Ну что Вам сказать, после встречи с «прекрасным» в лице моего отца я в очередной раз услышала много «хорошего» в свой адрес и... Слов нет... На собеседование, конечно, схожу, вдруг у них еще и общежитие предоставляется, шучу, конечно.

Вот где он был, этот «голос», когда я с шефом общалась

сегодня? ГДЕЕЕ???

МОСКВА: Вот я в следующий раз обязательно скажу отцу, что я, по мнению Данилы, как же вас все-таки по отчету?

НЬЮ-ЙОРК: Святославович.

МОСКВА: Так вот, я по мнению Данилы Святославовича. Это было действительно трудно. Я – у-ди-ви-тель-на-я!!! – я, конечно, представляю, что он мне на это скажет, главное, чтоб его удар не хватил... Бог ты мой, после вечернего цирка я засыпаю с улыбкой. Спасибо Вам!!!

2 ОКТЯБРЯ

МОСКВА: Может, я пожалею о написанном, знаете, искренность всегда мне обходится слишком дорого, мужчины боятся этого, им проще услышать от Ж список материальных требований – уровень доходов, авто, квартиру, перечень подарков, списочек стран, в которых хочет побывать Ж, и т. д., а тут-то и цветов ей не надо, и замуж не идет, и подарки не принимает, на диете не сидит, готовить умеет и т. д. – и тут, наверное, выбивает пробки, гаснет свет, и М. восклицает – ВЕДЬМА!!! (ну или Баба-яга по-русски) и хочет она меня, родимого, не иначе как съесть... Я не хочу уводить Вас из семьи, не хочу уводить Вас от Вашей женщины или подруги, мне с Вами, Данечка, просто помолчать хочется, сесть так тихо рядом, свернуться комочком и молчать, ведь это не купишь ни за какие деньги, эти 10–15–20 минут слабости и беззащитности...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.